

18+

разве моё сердце
всё ещё помнит,
что такое любовь?

ПАДШИЕ

ангелы

МАФИЯ. ЛЮБОВЬ. ИГРЫ НА ВЫЖИВАНИЕ.

КЭТРИН КЕЛЛИ

18+

Кэтрин Келли

Падшие ангелы

<https://litres.ru/74615513>

SelfPub; 2026

Аннотация

В то утро Исабель Брукс получает странное письмо с угрозами. Её прежняя жизнь рушится, но перемены лишь пугают. Мафия, бои на смерть, игры, которые могут стоить жизни и таинственная связь Исабель с криминальным миром. Она и подумать не могла о столь мрачных переменах. Противоречивые чувства в ней вызывает Николас Райт, который давно не знает таких слов, как "чувства", "любовь" и "забота". Беспокоясь о своих целях, он попадает в плен того, что отрицает. Семья, друзья и близкие, все под подозрением, когда Исабель угрожает опасность. И кажется только одной девушке ничего неизвестно о происходящем.

Борьба, смерти, кровь и потеря близких - то, что окружает каждого из них. Теперь это их жизнь, система, из которой нет выхода...

Содержание

Книга 1	4
Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Кэтрин Келли

Падшие ангелы

Книга 1

25.08.2023 – 10.01.2026

«Разве мое сердце все еще помнит что такое любовь...?»

*Посвящается всем тем, кто держал
меня за руку в самые темные ночи*

Пролог

Серые улицы района давно утопают в крови. Никакому дождю её не смыть во веки веков. Вода с неистовым грохотом хлынула в водосток. В переулках выл ветер, по улицам давно гуляла волна страха. Двое мужчин стояли лицом к лицу, целясь друг другу в грудь.

— Тупик, — усмехнулся молодой дон, которого до сих пор никто не замечал. Его бровь насмешливо изогнулась, а губы тронул зловещий оскал. По обе стороны от него стояли двое вооруженных парней, но какими бы молодыми они ни были, от них исходила опасность. Она была ощутима всем. Бушующий ветер трепал их одежду и вымокшие насквозь волосы. Они стояли в ночи на крыше небольшой пятиэтажки. Дон гордо поднял голову — взгляд его ярко-зеленых глаз был суров и величествен

— Что думаете? Вмешаемся? — задумчиво протянул мужчина, засунув руки в карманы штанов.

Молодые капо переглянулись. В их взглядах читалось волнение, но дон лишь снова усмехнулся.

Внизу вода ручьями бежала по дороге, посреди которой стояли мужчины. В этих криминальных кварталах было совершенно пустынно. Небольшие дома грозно нависали над ними; у одного из мужчин рука уже заметно дрожала от страха. Время словно остановилось, и никто не замечал, как стре-

мительно надвигалась ночь. Холодный воздух пробирал до костей, по коже пробегали мурашки. Злорадная улыбка на губах дона всё больше походила на звериный оскал — оскал хищника, загнавшего добычу в угол.

— Кто же пальнет первым? Впрочем, они все равно не разойдутся, — низко произнес он. — А если решатся — я помогу.

Ни один мускул на его лице не дрогнул, а взгляд оставался холодным. Один из капо чуть слышно вздохнул.

— Я шел к этому слишком долго, чтобы какой-то приду-рок все испортил, — сквозь зубы процедил зеленоглазый. — Пошли!

Мужчина резко развернулся и быстрым шагом направился к лестнице. Капо бросились за ним. Они слишком хорошо знали своего босса, и липкий страх раз за разом накрывал их с головой.

Мужчина легко перелетал с пролета на пролет. Грязные серые стены могли бы показаться ему отвратительными после прежней роскошной обстановки, но он слишком хорошо знал изнанку этой жизни.

Капо тенью следовали за ним. С их волос и одежды ручьями стекала дождевая вода, но это неудобство никого не волновало. Они были непоколебимы. Где-то внизу оглушительно хлопнула магнитная дверь затхлого подъезда. Парни, мимолетно переглянувшись, ускорили шаг.

Когда молодой дон вышел на улицу, оба мужчины обер-

нулись к неожиданному гостю. В полумраке едва различались выражения лиц. Неподалеку, судорожно мигая, горел единственный фонарь. Двое капо привычно встали по обе стороны от своего главара, держа оружие наготове. Лицо мужчины, который был заметно моложе спутника, исказилось в гневном оскале.

— Николас Райт! — процедил он, переводя взгляд с врага на юношу, чьё лицо горело злорадством.

— Кто он такой?! — второй мужчина раздражался всё больше. Его серые глаза панически метались из стороны в сторону, тщательно выискивая, за что зацепиться. Напряжение буквально застыло в воздухе. Одно короткое движение руки Николаса — и капо синхронно взяли обоих на мушку.

— Он считает себя бессмертным, не так ли, Арон? — дон устремил ярко-зеленые глаза на того, кто сразу узнал его.

Руки мужчины крепче сжали рукоять пистолета, желваки на его челюстях заходили ходуном.

— А ты знаешь, что я делаю с бессмертными? — Райта раздражало, что его вопросы уходили в пустоту.

Он неторопливо разглядывал мужчин/парней и, вопреки обстоятельствам, казался абсолютно спокойным. Уверенная стойка, руки в карманах, гордо поднятая голова — все его тело излучало обманчивое расслабление. В холодном взгляде невозможно было хоть что-то прочесть. С темных прядей непрерывно стекала вода, а дождь лил все сильнее и сильнее.

— Нет, — процедил Арон.

Он бросал на Николаса гневные взгляды, но тот лишь ухмылялся в ответ на каждый из них.

— Я делаю каждого такого бессмертного смертным, — ответил Райт, и его злорадный взгляд переключился на второго чужака, который в последнее время путал ему все карты.

Эта картина представляла собой интересное зрелище: двое застыли друг напротив друга с оружием на прицеле, а чуть поодаль возвышался молодой дон мафии Николас Райт, окруженный вооруженными до зубов капо.

Ливень стремительно набирал силу, в небе громыхнуло. Ночь окончательно накрыла город непроглядным мраком, и одного тусклого фонаря уже не хватало. Лишь вспышки молний, на мгновение оплетавшие небосвод, позволяли разглядеть лица врагов. Меж обветшалых, прижатых друг к другу домов хлестали бурные потоки воды.

Очередная молния с треском прорезала тьму. В соседнем квартале что-то мощно рвануло, и яркое пламя мгновенно охватило старую деревянную пристройку. Николас на секунду отвлекся, а когда снова перевел взгляд на противников, одного из них уже и след простыл.

— Ну что ж, — произнес он, поворачиваясь к темному силуэту Арона, который и был его главной мишенью. — Видимо, с тем придурком я разберусь чуточку позже.

Холодный, полный безразличия голос Николаса прорезал шум шторма и заставил Арона вздрогнуть. Он попятился, но Райт едва заметно качнул головой.

— Не так быстро, Арон.

Жестокая усмешка исказила его правильные, почти красивые черты лица. В ту же секунду посыпались выстрелы. Раскаты грозы смешались с оглушительным грохотом оружия, и запах сырости на мгновение растворился в едком пороховом дыму...

Глава 1

Ночной ливень, бушевавший до рассвета, оставил после себя лужи-зеркала, в которых теперь дробилось и таяло восходящее солнце. Капли на кленовых листьях превратились в крошечные призмы, бросавшие на стены комнаты радужные блики. Исабель сидела на широком деревянном подоконнике. Поджав ноги, она неторопливо пила кофе из тяжелой керамической кружки и наблюдала, как внизу просыпается город: редкие автомобили с тихими гудками рассекали водную гладь, где-то гулко хлопнула дверь, раздались первые шаги.

Сладко зевнув, она потянулась и перебралась на незастеленную постель. Тёмно-русые пряди рассыпались по подушке. На бледной коже еще виднелись следы вчерашней усталости — легкая синева под глазами. Простыни пахли свежестью выстиранного белья и ее любимыми духами. Несколько минут Исабель просто лежала, замороженно глядя на игру солнечных лучей. Настроение было удивительным — на грани эйфории. Ей хотелось радоваться всему: этому свету, новому дню и распутившейся прямо за окном сирени.

Прошное накатило внезапным вихрем, смешав счастливые моменты с грустными, но теперь эти призраки потеряли прежнюю власть. В голубовато-зеленых глазах Исабель на миг блеснули слезы. Она мягко провела ладонью по лицу,

стирая влагу и очерчивая пальцами контуры скул — слишком острых, точеных, словно время упрямо высекало их из девических черт. Но всё это осталось позади. Забыть былые обиды и боль оказалось непросто, но теперь они стали лишь старыми шрамами, которые больше не кровили. Иса выросла. Запуганная, слабая девочка исчезла.

В свои двадцать один год она наконец ощутила себя птицей, вырвавшейся на свободу. Она всё еще помнила жесткие прутья клетки, но прямо сейчас ее крылья ловили первый упругий, пьянящий поток воздуха.

Утро обещало быть идеальным, а ранний подъем на удивление заряжал энергией. В голове уже роились сюжеты для новой книги. Исабель мимоходом взглянула на темный экран телевизора и усмехнулась: кажется, её собственная жизнь наконец-то становилась интереснее любого вымышленного сериала.

На кухне приятно пахло ванилью, на сковороде подрумянивались пышные панкейки, а на столе ждал высокий стакан апельсинового сока. Стоя у плиты и переворачивая золотистые блинчики, Исабель впервые за долгое время чувствовала себя настоящей хозяйкой своей судьбы.

Резкий, требовательный стук разрушил эту идиллию. Лопатка едва не выскочила из рук. Сердце сначала испуганно замерло, а затем бешено забилося. Кто это? Для почтальона слишком рано. С соседями она еще не знакомилась. Подчиняясь странному, тревожному импульсу, она подошла к две-

рям и повернула ключ.

За дверью — никого. Пустой коридор встретил её тишиной. Исабель уже собиралась уйти, как вдруг заметила на коврике плотный конверт цвета слоновой кости. Его украшала тяжелая бордовая печать из сургуча с оттиском хищной птицы. Смутное предчувствие заставило её пальцы задрожать, когда она надламывала воск. Внутри оказался единственный желтоватый лист.

Строки были выведены изящным, безупречным почерком: «Исабель Брукс. Я поклялся на кладбище, стоя у свежей могилы моей сестры, что уничтожу тебя. Готовься к худшему. Когда я приду, вы захлебнетесь собственной кровью.».

Воздух в легких резко исчез. Это не чья-то глупая шутка — первобытный страх подсказал ей, что угроза реальна.

В ту же секунду оглушительный грохот разорвал пространство. Стреляли с лестничного пролета. Исабель инстинктивно рухнула на пол. Пуля с визгом прошила воздух над ее головой и выдрала кусок щепы из дверного косяка, оставив дымящуюся рану в дереве. Смерть прошла в паре сантиметров. Вскрикнув от ужаса, Исабель рванула дверь на себя, защелкнула замок и, не помня себя, бросилась вглубь квартиры.

Она забилась в узкую щель между кроватью и стеной, подтянув колени к подбородку. К горлу подступала тошнота, зубы дрожали. Хвататься за телефон и звонить в полицию бессмысленно — в этом городе мафия давно скупила всех, от

патрульных до шерифа.

Вдруг из прихожей донесся металлический скрежет. Чужой, уверенный. Кто-то снаружи методично взламывал замок ее двери.

Накинув темное худи, Исабель бесшумно проскользнула в прихожую. Понимая, что медлить нельзя, она затаила дыхание, резко крутанула внутреннюю защелку, навалилась на дверь и выскочила на лестничную площадку, заставя взломщика врасплох. Лестничные пролеты она перелетела, не чувствуя ног. Тяжелая подъездная дверь с грохотом захлопнулась за спиной, и Исабель оказалась на серой, едва освещенной предрассветной улице.

В пустом переулке отчетливо прозвучали глухие шаги. «Это просто ветер гонит мусор», — судорожно убеждала она себя. Но затылком уже ощущала чужой, липкий взгляд.

Внезапно чьи-то ледяные пальцы намертво сомкнулись на её запястье. Рывок — и её затащили в глухой, темный проем между домами, наотмашь прижав к кирпичной кладке. Тяжелая шершавая ладонь мгновенно зажала рот, заглушая готовый вырваться крик.

— Двинешься — труп. Кивни, если поняла, Исабель.

Она замерла, подчиняясь стальной хватке, и едва заметно кивнула. Мужчина чуть ослабил нажим. Исабель попыталась разглядеть его лицо в глубокой тени капюшона, но различила лишь резкий контур скулы и жесткую линию губ. Откуда, черт возьми, он знает её имя?

— Кто ты? — едва слышно выдохнула она.

— Твой единственный билет отсюда. У тебя нет выбора.

Бежим.

Со стороны проспекта бахнуло — эхо разнесло звуки новых выстрелов. Незнакомец увлек её за собой вглубь дворов. На бегу он выхватил из-за пояса пистолет и, даже не оборачиваясь, дважды ответил огнем в сторону преследователей.

— Быстрее! — рявкнул он, толкая её вперед.

Исабель бежала вслепую, спотыкаясь на неровном асфальте. Резкий поворот за угол — и перед ними вырос силуэт темной BMW. Мужчина открыл пассажирскую дверь и буквально впечатал её в салон.

— Пристегнись.

Двигатель взревел, колеса бешено зашлифовали асфальт в тот самый миг, когда первая пуля щелкнула по бордюру позади. Обернувшись, Исабель успела заметить в темнеющем зеркале заднего вида несколько бегущих фигур с автоматами.

— Почему я? — прошептала она, давясь слезами. — Что я сделала?

Водитель на секунду повернул к ней голову. Свечение приборной панели подчеркнуло его каменный подбородок. В глазах — ни тени сочувствия, лишь холодный, расчетливый блеск профессионала.

— Ничего. Просто оказалась не в то время и не в том месте. Заткнись и не мешай работать.

Она послушно вжалась в кожаное кресло, чувствуя, как крупная дрожь бьет тело. В неверном синем свете дисплея её лицо казалось призрачно-белым, и только искусанные в кровь губы сохраняли цвет. Исабель смотрела на его уверенные руки на руле, на этот спокойный профиль, и до нее наконец дошло: прошлая жизнь мертва. Она осталась там, в квартире, вместе с запахом пороха. Впереди была лишь неизвестность и этот чужак.

И вдруг сквозь парализующий страх в сознание пробились странная, пугающая мысль — внезапный укол жалости к тому, кто написал записку. К человеку, который стоял под проливным дождем у свежей могилы сестры и сходил с ума от горя. Его слепая ярость требовала крови. И она, Исабель, сама того не ведая, стала частью чужой мести. Это осознание ужасало сильнее мафии и погони. Но сейчас, внутри летящей на бешеной скорости машины, ей оставалось только одно — полностью довериться этому ледяному незнакомцу. Выбора ей никто не оставил.

Глава 2

Черная BMW бесшумно разрезала ночную прохладу, унося их прочь по пустынным шоссе. Ледяной воздух из приоткрытого окна хлестал по лицу, заставляя кожу покрываться мурашками, но Исабель не шевелилась. Откинув голову на подголовник, она отрешенно смотрела сквозь пелену слез, как за стеклом проплывают декорации Бостона: серые коробки спальных районов сменились сверкающими витринами центра, а затем снова начали тускнеть. Шок постепенно уступал место свинцовой, изнуряющей усталости. Разум отказывался верить в реальность происходящего, услужливо пытаясь выдать всё за затянувшийся кошмар.

Мужчина коснулся кнопки стеклоподъемника, перекрывая гул ветра, и в салоне воцарилась плотная тишина. Когда он небрежным движением сбросил капюшон, Исабель впервые решилась рассмотреть его профиль. Лицо незнакомца оказалось резким: прямой нос, волевая челюсть и упрямый излом бровей. Заметив ее взгляд, он едва заметно смягчил выражение лица — не улыбнулся, скорее просто дал понять, что контролирует ситуацию. Исабель поспешно отвернулась к окну, чувствуя глупую неловкость. Ей было плевать, куда они едут. Главное — дальше от той квартиры.

Она доверилась ему не от хорошей жизни — выбора ей

попросту не оставили. Возвращаться домой означало подписать себе смертный приговор, а бежать к друзьям — подставить их под удар безжалостных людей из записки. Этот молчаливый водитель, кем бы он ни был, стал ее единственной соломинкой. Хрупкой, сомнительной, но живой. Исабель внезапно затрясло. Напряжение последних минут вылилось в нервный озноб, мышцы спины и рук сводило судорогой.

Заметив это, мужчина бросил на нее быстрый взгляд. На секунду перехватив руль одной рукой, он точным движением скинул свою тяжелую куртку и перебросил ей на колени. Исабель замерла, глядя на плотную ткань, затем подняла глаза на парня. Тот коротко, повелительно кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Бель медленно натянула куртку на плечи и сжалась в комок, согреваясь сохранившимся в подкладке живым, надежным теплом.

— Ты вся дрожишь. — негромко произнес он.

Исабель вздрогнула, словно её застигли врасплох.

— Да. И ничего не могу с этим поделать. Понимаю только одно: прежней жизни больше нет. И я понятия не имею, выберемся ли мы из этой ночи живыми.

— Выберемся, — коротко отрезал он, и в его голосе впервые прорезалась странная, почти неощутимая мягкость. — Я вытащу.

— Кто ты? — спросила она, чувствуя, как внутри всё сжимается от неизвестности.

— Сейчас это не имеет значения.

— Имеет, — упрямо перебила Исабель, чувствуя, как по горячим щекам снова катятся слезы. — Для меня это чертовски важно.

— Эй, тише. Не плачь, — плавно принял вправо и остановил BMW на обочине.

В салоне воцарился полумрак. Он развернулся к ней всем корпусом, всматриваясь в бледное, беззащитное лицо. Его пальцы потянулись к её щеке, стирая влажную дорожку. Исабель испуганно отпрянула, до этого момента она тупо смотрела на черную стену леса за стеклом. Его прикосновение обожгло.

— Что ты хочешь узнать? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Спрашивай. Обещаю ответить на то, что тебе пока можно знать.

— Кто ты такой и что, черт возьми, происходит? — глухо выдохнула Бель.

Мужчина промолчал. Он включил передачу, и машина снова мягко выкатилась на пустынное шоссе.

— Меня зовут Марк. А то, во что ты угодила... сложная история.

— Я очень надеюсь на объяснения.

— Ты что-нибудь слышала о мафии? — осторожно спросил он.

— Допустим...

Она отвернулась к окну, судорожно вцепившись пальца-

ми в плотную ткань худи. Марк тяжело вздохнул. Не отрывая взгляда от дороги, он опустил широкую ладонь поверх её сцепленных пальцев. Сильное, уверенное тепло его руки подействовало как транквилизатор. Бель удивленно посмотрела на их руки, но отстраняться не стала.

— Бель, мне нужно, чтобы ты мне доверилась, — его голос в давящей тишине салона звучал гипнотически спокойно. В этот момент тучи в небе наконец разошлись, и салон залил призрачный лунный свет. На ресницах девушки заблестели слезы — первая реакция на то, что её защищают. — Я разгребу это дерьмо. Но без твоего содействия я слеп.

— Я немного знаю о ней. Только слухи. — она не отводила от него взгляда. — Твои слова пугают, но... рядом с тобой появилась хоть какая-то надежда выжить.

— Значит, мне не нужно объяснять тебе, что было в том письме, — помрачнев, заметил он. — Его оставили на твоём пороге не просто так.

— Откуда ты знаешь про конверт? — Исабель резко подобралась, в глазах вспыхнуло подозрение. — Именно это не дает мне покоя! Кто-то жаждет моей крови из-за своей мертвой сестры. Объясни мне это. Ты ведь явно в курсе.

Марк надолго замолчал, крепче сжав руль. Белль неосознанно подалась к нему, ожидая ответа. На его губах промелькнула горькая, едва заметная усмешка.

— Иса, давай оставим этот разговор до безопасного места? Я никуда не сбегу. Но прямо сейчас мне нужно ото-

рваться от погони, пока нас не превратили в решето.

— Предлагаешь мне спокойно спать после всего этого кошмара? — вспыхнула она. — Неведение пугает меня куда сильнее пуль!

— Тогда почему ты темнишь? — Марк нахмурился. — Про записку могла бы и не врать.

— В смысле — врать?! — Исабель резко развернулась в кресле. — Ты думаешь, я имею к этому отношение?

— Хочешь сказать, ты правда понятия не имеешь, кто автор и что произошло? — В его голосе промелькнуло искреннее удивление. Он коротко качнул головой. — Ладно. Считай, что вляпалась в чужие разборки. Если без подробностей: эти люди от тебя не отстанут. Но не в моей компетенции объяснять тебе причины. Мое дело — удержать тебя в живых.

— Значит, это просто приказ, — подытожила Белль, снова утыкаясь взглядом в боковое стекло. — Очередное рабочее задание. Поэтому ты здесь.

— Приказ, — не стал отрицать Марк. Он тяжело вздохнул, крепче перехватывая руль. — Устройство нашего мира тебе не понравится, Белль. Ты можешь разочароваться во мне, можешь возненавидеть. Но мне нужен твой кредит доверия. Иначе я не справлюсь.

Исабель промолчала. К горлу подступила глухая обида, хотя рассудком она понимала, что глупо злиться на Марка. Он её не знает, рисковать ради незнакомки не обязан. Теперь пазл сложился: его благородство — лишь директива сверху.

Но кто этот таинственный покровитель? И от кого её прячут? Тот безумец с кладбища обещал ей мучительную смерть за грехи, которых она не совершала.

День клонился к закату, когда BMW свернула на глухую, петляющую среди глухого леса дорогу. В салоне воцарилось гнетущее, давящее молчание. Исабель отрешенно наблюдала за тем, как вековые сосны смыкаются над машиной плотным щитом. Марк изредка бросал на неё короткие, полные тревоги взгляды, но она была слишком погружена в себя, чтобы это заметить.

Где-то в чаще промелькнули далекие блики, но дорога уходила вниз по склону, и они исчезли. Девушка сидела неподвижно, зажмутив глаза, но сон не шел. Ее лихорадочно штормило от сомнений. Правильно ли она поступила, прыгнув в машину к человеку, который открыто признает свою связь с криминалом?

На очередном повороте огни вспыхнули снова, теперь уже совсем близко. BMW выкатилась к двухэтажному современному коттеджу из темного дерева и белого бетона. Дом окружала массивная чугунная изгородь. Исабель показалось, что за огромными панорамными окнами второго этажа скользнул чей-то силуэт.

Машина с мягким шуршанием влетела во двор. Яркий свет фар полоснул по ухоженному саду, выхватив кусты крупных алых роз, которые в сумерках отливали густой кровью. Кое-где идеальный ландшафт был нарушен: из зем-

ли торчали лишь сломанные, изуродованные стебли, словно кто-то уничтожал цветы в припадке слепой ярости. Марк заглушил двигатель. Он не торопился выходить — просто сидел и молча наблюдал за тем, как Исабель завороченно разглядывает сломанные розы, не замечая ни того, что они приехали, ни его пристального, тяжелого взгляда.

Прикосновение Марка к плечу заставило Исабель вздрогнуть. Она повернула голову и поспешно опустила глаза, пряча растерянность. Парень понимающе улыбнулся — открыто, без тени упрёка.

— Идем. Нас уже заждались.

В панорамных окнах второго этажа снова качнулись плотные мужские тени. Тревога, притихшая было в машине, заворочалась в груди с новой силой. Марк уверенно взял её за руку и повел по извилистой дорожке. Фонари заливали сад призрачным сиянием.

В любой другой ситуации Исабель замерла бы от восторга, но сейчас эта безупречная красота лишь подчеркивала её первобытный ужас. Она чувствовала, как Марк осторожно, но крепко прижимает её локоть к своему боку, безмолвно предлагая защиту.

— Подожди, — Исабель замерла у первой ступени крыльца. Колени подогнулись. Она уставилась на отражение деревьев в стеклянной входной двери, сознательно избегая встречного взгляда его пронзительных синих глаз. — Я не могу туда войти. Мне страшно, Марк. Кажется, я совершила

самую большую ошибку в жизни, когда села к тебе в машину.

— Ошибкой было бы остаться там, куколка, — раздался сверху хриплый, насмешливый голос.

Исабель подняла голову. По лестнице, щелкая дешевой пластиковой зажигалкой, лениво спускался блондин. На ходу он прикурил сигарету, и облако едкого дыма окутало его лицо.

— Ты же бросал, — нахмурился Марк, заслоня собой девушку.

— В этом гадюшнике трезвым не высидеть. А курение хотя бы имитирует деятельность, — цинично усмехнулся парень, выдыхая серую струю в ночной воздух.

Исабель попыталась отступить назад, в темноту сада, но блондин оказался быстрее. Его пальцы мягко, но стальным захватом сомкнулись на её запястье. Девушке пришлось посмотреть на него. Взгляд незнакомца оказался пугающим: воспаленные, с красной сеткой сосудов глаза цвета мутной океанской воды смотрели на нее с давящей, почти гипнотической пронизательностью. Казалось, он препарирует её страх изнутри. Блондин был огромным — шире и заметно выше Марка. Под тонким трикотажем белой футболки бугрились тяжелые, литые мышцы штурмовика или профессионального боксера.

— Надо же, какая чистая... — протянул он, скользнув взглядом по её бледному лицу. — За какие грехи тебя приговорили, ангел?

— Льюис, завались. Ей и так досталось, — жестко перебил Марк, силой освобождая руку Исабель из чужого захвата.

— Ладно-ладно, веду себя хорошо, — хмыкнул Льюис. Он тут же раздавил сигарету о перила и первым толкнул массивную входную дверь. — Заходи, ангел. На улице холодает.

Бросив последний, полный отчаяния взгляд на усыпанное звездами небо и растворившийся во тьме сад, Исабель переступила порог коттеджа. Изнутри дом выглядел дорого и стерильно: строгий минимализм, сочетание белого мрамора и темного дерева. Мягкая скрытая подсветка скрадывала углы, но уюта не добавляла. Из глубины гостиной доносился приглушенный ропот мужских голосов. Исабель испуганно замерла в холле, не решаясь снять худи. Стоило Марку на секунду отвернуться, чтобы закрыть замок, как на её плечо опустилась огромная, тяжелая ладонь. От нее пахло табаком и оружейным маслом. Льюис снова стоял за её спиной.

— Тебе нужно лечь, ангел. Да и мне тоже, — негромко произнес он.

— Да, — согласилась она, чувствуя, как силы окончательно покидают тело.

— Я провожу. Остальная свора перебьется, увидят тебя утром.

— Была бы моя воля, я бы вообще никогда к ним не выходила, — призналась Исабель.

Льюис перехватил её взгляд. Его пальцы, пахнущие табачным дымом, мягко приподняли её подбородок. Вблизи его

лицо больше не казалось каменной маской: Исабель разглядела глубокие тени под глазами, упрямую складку у рта и два отчетливых шрама. Один, рваный и белый, рассекал левую бровь, едва не задевая веко; второй тонкой нитью делил пополам нижнюю губу. Мужчина шумно выдохнул сквозь зубы и отступил, кивнув в сторону лестницы.

Они поднялись по кованой винтовой лестнице на второй этаж. Бра в виде оплывших свечей отбрасывали на стены длинные, зловещие тени. Наверху холл раздваивался, переходя в галерею с глубокими дверными нишами.

— Конец правого крыла — твоя территория, — Льюис указал на дальнюю дверь. — Моя спальня прямо напротив. Смежная — Марка.

Он уже развернулся, собираясь уйти к себе, когда Исабель тихо спросила:

— Почему у тебя такие глаза?

Льюис замер на месте, а затем медленно повернул голову.

— Красные? Слишком долго не спал. Издержки профессии, — он прищурился, сканируя её лицо. — Боишься остаться одна? Хочешь, чтобы я зашел?

Исабель опустила голову, разглядывая мыски своих кроссовок. Разум кричал, что впускать в спальню вооруженного бандита — безумие. Но первобытный страх перед пустой темной комнатой оказался сильнее. Рядом с этим огромным, пугающим человеком глухое одиночество отступало.

— Пожалуй... да. Останься.

Льюис коротко хмыкнул, принимая её условия. Он толкнул тяжелую створку, уступая ей дорогу. Исабель переступила порог, обхватив себя руками, чтобы унять дрожь. Комната встретила её стерильным покоем: мягкие бежевые тона, огромная кровать с горой подушек и панорамное окно, за которым глухая стена леса растворялась в ночной темноте.

— Так ты ответишь на вопрос? — нарушила тишину Исабель, кутаясь в его куртку.

— А я решил, что это просто предлог не оставаться одной, — Льюис вальяжно откинулся в глубоком кресле.

Его длинные ноги заставили неловко вытянуться — изящная мебель была слишком мала для его мощного телосложения. Исабель поймала себя на мысли: рядом с такой горой мышц подсознательно хочется искать защиты. В его присутствии было пугающе, но спокойно. Она скользнула взглядом по его рукам — у него были на удивление длинные, красивые пальцы, какие бывают у пианистов. Вот только разбитые, покрытые старыми шрамами костяшки кричали о том, что эти руки привыкли ломать чужие жизни, а не играть ноты.

— Мне действительно интересно, почему у тебя такой взгляд, — тихо повторила она.

— Паршиво мне, ясно? — Льюис резко отвернулся. — Ненавижу, когда теряю контроль над собственной головой. Это слабость.

— У тебя кто-то есть? — осторожно, балансируя на грани дозволенного, спросила Бель. — Та, кто лишает тебя этого

контроля? Извини, если лезу не в свое дело.

— Хочешь поковыряться в моих ранах? — в его хриплом голосе отчетливо звякнула сталь, смешанная с застарелой болью.

— Мои собственные раны сейчас болят не меньше, — Исабель грустно усмехнулась. — Понимаю, что ты мне ничего не расскажешь. Но я вижу это по твоим глазам. Знаешь, умение чувствовать боль — это не слабость. В мире, в котором вы живете, это почти подвиг. Значит, ты не превратился в бездушного робота. Ты еще способен на человеческие чувства, а это дорогого стоит.

Льюис медленно повернул к ней голову. Его помутневшие голубые глаза впились в её лицо, словно он пытался понять, издевается она или говорит серьезно. В полумраке комнаты его суровый профиль казался высеченным из гранита.

— Думаешь, на дне этой выгребной ямы есть место для человечности? — глухо спросил он.

— Суть вещей не меняется от того, где они находятся, — Бель устало прислонилась головой к деревянной спинке кровати. — Золото остается золотом, даже если оно упало в грязь. Вопрос лишь в том, сможешь ли ты его оттуда достать.

Льюис ничего не ответил. Он замолчал, уставившись в непроглядную темноту за панорамным окном. Пауза затянулась. Свинцовая усталость, которую Исабель сдерживала из последних сил, наконец взяла верх. Глаза закрылись сами собой. Сидя на краю постели, она незаметно соскользнула на

мягкие подушки, подтянула колени к груди и уснула глубоким, беспмятным сном истощенного человека.

Услышав её ровное, тихое дыхание, Льюис бесшумно поднялся с кресла. Его огромная фигура на секунду заслонила лунный свет. Он потянул за край тяжелого пледа, укрывая девушку до самого подбородка, и еще несколько секунд всматривался в её бледное, беззащитное лицо. Затем развернулся и тихо вышел, прикрыв за собой дверь.

За окном Бостон засыпал под холодным сиянием звезд. Ветер лениво шелестел листвой в саду, и природа пребывала в абсолютном, безмятежном покое. Но эта тишина была иллюзией. Спокойные дни Исабель Брукс были сочтены. Очень скоро её привычный мир разлетится на осколки. Тот, кто жаждал мести, уже шел по её следу. А тот, в ком она видела своего единственного спасителя, готовился нанести ей самый страшный, сокрушительный удар — прямо в сердце.

Глава 3

Тихие шаги эхом разносились по коридорам погруженно-го во мрак особняка. Глубокая ночь несколько не смущала мужчину. Он четко видел цель и не привык отступать. Ему было плевать, сколько жизней окажется сломано на его пути, сколько боли придется причинить и как его поступки отразятся на других. В его мире уже давно существовали лишь собственные интересы.

Казалось, ночной воздух сгушался, наливаясь свинцовой тяжестью. Небо за окнами плотно оплели грозовые тучи, и внутри здания воцарилась удушливая, зловещая атмосфера. Каким бы изысканным и роскошным ни казалось убранство этого дома при свете дня, темнота обнажала его истинную суть — глубокую внутреннюю мглу и безжизненную серость. И хозяин дома был всецело поглощен этой мглой. Ледяной, сырой сквозняк пробирался сквозь распахнутые окна, но мужчина даже не вздрагивал. Он давно привык к этому холоду. Привык к худшему. Привык к тому, что жестокость и эгоизм — это норма, а одиночество — его единственная верная спутница...

— Арон. Я знал, что ты придешь, — Николас ровным шагом вошел в собственный кабинет.

В его кресле вальяжно расположился другой мужчина. За-

клятый враг явился не один — его окружали вооруженные бойцы, бесцеремонно ворвавшиеся в чужие владения.

— Неужели я столь предсказуем? Впрочем, это очевидно, — Арон покачал головой и коротко, злобно усмехнулся. — Мы оба преследуем свои цели, Николас. Но ты переходишь границы дозволенного.

Николас тихо рассмеялся. В полумраке его ярко-зеленые глаза сверкнули опасным, недобрым пламенем.

— Арон, ты уже очень давно находишься на мушке моего пистолета, — он неторопливо прошел вглубь комнаты и сел за письменный стол, прямо напротив незваного гостя. — А своими действиями ты лишь вынуждаешь меня спустить курок.

Взгляд Арона вспыхнул чистой, концентрированной ненавистью.

— Я наслышан о твоём самолюбии, Николас. Что ж, слухи не врут. Но ты ещё слишком молод, чтобы ставить мне условия...

— И тем не менее это в моей власти, — Николас хитро улыбнулся.

Арон в ярости стиснул зубы.

— Ты один! — рявкнул он.

Его до предела раздражало ледяное спокойствие человека, сидящего напротив. Николас смотрел на врага прямо, и в его глазах плясали насмешливые искорки.

Райт небрежно бросил на противоположный край стола

плотную пачку бумаг. В ту же секунду его лицо вновь стало непроницаемым. Оно редко выражало искренние чувства — обычно его украшали лишь холодные, полные абсолютного безразличия усмешки. О нём вообще трудно было сказать хоть что-то в положительном ключе.

Мужчина перевел взгляд на окно. Там, в ночи, плясали мрачные тени деревьев. Днем эта природа казалась прекрасной, но сейчас она лишь отражала тот беспредел, который творился в его жизни и судьбах всех этих людей.

Пока Арон вчитывался в строки при слабом свете настольной лампы, Николас всем своим видом демонстрировал скуку и полное безразличие к происходящему. Пожалуй, это и были его истинные чувства. Напугать Райта со временем становилось всё сложнее, а близость смерти его и вовсе не волновала. Он верил, что рано или поздно костлявая доберется до каждого, а потому жил так, как велели остатки его израненной души.

— Что это? — буркнул себе под нос Арон Холл.

Его бойцы за спиной по-прежнему стояли недвижимыми статуями.

— Это? Информация. Которую от тебя, скорее всего, очень тщательно скрывали, — Николас заметил, какой эффект произвели документы, и уголки его губ дрогнули. — И всё-таки ты не знал! — Хозяин кабинета искренне рассмеялся. — Что ж, надеюсь, мне удалось тебя огорчить.

На его лицо вновь вернулась маска фальшивого дружелю-

бия. Теперь она приросла к нему намертво, и вряд ли в этом мире существовало хоть что-то, способное заставить Райта снять её.

— А теперь попрошу покинуть мои земли. И убирайся во-
свояси, пока можешь, — Николас сделал паузу, чеканя каж-
дое слово. — Мое терпение на исходе.

— Ты надеешься, что я всё так просто оставляю? — сквозь
зубы процедил Арон, едва сдерживая кипящую ярость. —
Ты не сможешь воевать со всеми сразу. Поверь, я найду тех,
кто объединится со мной против тебя!

— Мечтать не вредно, — усмехнулся Райт.

В следующее мгновение его взгляд посуровел, и плясав-
шие в зеленых глазах холодные искорки окончательно пре-
вратились в лед.

— Зачем тебе девчонка? Какой от нее прок? — на сей раз
ядовито усмехнулся гость. — Выручить денег? Или уже на-
шел для нее работу, чтобы повернуть очередную манипу-
ляцию?

Дон вальяжно откинулся на спинку кресла и лениво сло-
жил руки в замок на груди.

— Вот видишь, ты и сам всё прекрасно понимаешь.

Арон покачал головой, симулируя внезапно проснувшее-
ся сочувствие. Разумеется, это была фальшь — Николас про-
сто спутал ему карты, не более.

Разгоряченный паршивыми известиями, Холл резко под-
нялся со своего места:

— Ты даже не представляешь, с кем связался. Брукс — покойник. Я заберу сначала его земли, потом его дочку, а следом — и твои владения.

Он развернулся и стремительно удалился вместе со своей свитой, решив не раздувать конфликт прямо сейчас. Убить Райта в его собственном логове было бы глупейшим решением. Действовать нужно аккуратно, без лишнего шума. Несмотря на молодость — Николасу исполнилось всего двадцать восемь, — дон оставался невероятно влиятельной фигурой. Впрочем, его авторитет держался скорее на первобытном страхе, нежели на уважении. В распоряжении Райта находилась целая армия: от преданных солдат и циничных контрабандистов до легальных управляющих, державших его бизнес — от сети ресторанов до ночных клубов. И, конечно, бескрайние просторы подконтрольных территорий.

Оставшись один, Николас подошел к окну. Он молча наблюдал за тем, как вереница машин незваных гостей покидает поместье. Когда огни фар растворились в темноте, он вернулся за стол и погрузился в размышления.

Последние несколько дней его не покидало странное, гнетущее ощущение, с которым он никак не мог совладать. Неужели чувства? Его ведь никогда не волновало чужое благополучие. Так почему теперь что-то изменилось?..

В тот день Исабель возвращалась домой слишком поздно. Город, погруженный в липкий сумрак, словно высасывал

из нее последние силы, а с каждым шагом в груди разрасталась привычная тревога. Девушка отчетливо понимала: она не нужна никому. Ни тем, кого наивно считала друзьями, ни тем, кто обязан был любить ее по праву крови.

Она заранее знала, что в квартире никто не ждет. Никто не заметит заплаканных глаз, не предложит ужин и даже не обернется на стук входной двери. Родители могли сидеть по своим комнатам или вовсе не прийти ночевать, но их ледяное равнодушие заполняло пространство плотнее любого физического присутствия.

Девушка поднялась по обшарпанной лестнице. Стены подъезда встретили ее безвкусными граффити, запахом сырости и кошачьей мочи. Раньше от этого зрелища ее передергивало, но сегодня внутри выжгло любые эмоции. Было все равно.

В прихожей царил темнота. На вешалке безжизненно висели куртки родителей, но сами владельцы словно растворились. Обойдя пустые комнаты, Бель заглянула на кухню. На плите сиротливо чернела грязная кастрюля с остатками засохших позавчерашних макарон. Холодильник уныло гудел, но внутри не нашлось ничего, кроме пары яиц, черствой горбушки и покрытого пылью соуса с истекшим сроком годности. Исабель поймала себя на мысли, что уже и не помнит, когда мать в последний раз покупала продукты.

Последние три недели отец возвращался далеко за полночь — либо смертельно пьяный, либо просто озлобленный

на весь мир. Мать сутками не выпускала из рук телефон, обсуждая сплетни с подругами, чьих имен дочь даже не знала. Они существовали под одной крышей, но в параллельных вселенных. В этом доме никого не били, не выгоняли на улицу и не кричали. Исабель просто... не замечали. К ней относились как к старому, привычному дивану или трещине на обоях, на которую давно перестали обращать внимание.

Она опустилась на стул у окна и включила чайник. Пальцы сильно замерзли, но сколько бы девушка ни растирала ладони, тепло не возвращалось. Когда горячая кружка обожгла пальцы, Исабель не почувствовала боли — лишь солоноватый привкус на губах. Слезы катились сами по себе, оставляя влажные дорожки на щеках.

В этот момент пришло горькое, отчетливое осознание: если завтра она исчезнет навстречу этой ночи, близкие заметят пропажу далеко не сразу. Возможно, лишь спустя сутки, когда у матери закончатся наличные на карманные расходы или когда понадобится передать кому-то трубку.

За весь день ее никто не искал. Экран телефона оставался девственно чистым. Ни единого сообщения с банальным вопросом «Ты как?» или хотя бы раздраженным «Ты где?».

Бель обхватила себя руками, пытаясь согреться, пока остывал чай. В квартире становилось все холоднее — отец сэкономил на отоплении. Давящая пустота вокруг и глубоко внутри казалась настолько бескрайней, что хотелось просто лечь на дно этого безмолвного океана и больше никогда не

пытаться выплыть.

Она осталась совершенно одна. И никому в этом мире не было до нее дела.

Первые лучи солнца робко пробирались в незнакомую спальню, но Исабель уже давно не спала, наблюдая за рассветом. В мыслях по-прежнему стояла та удушающая тяжесть прошлого, что терзала сердце все эти годы. Ей так и не удалось освободиться от былых призраков, как бы отчаянно она ни пыталась. Каждое мимолетное ощущение свободы оказывалось лишь жестоким самообманом...

— Вчера ты заставила меня о многом задуматься.

Неожиданный голос у порога заставил вздрогнуть и обернуться.

— Доброе утро. Как спалось на новом месте? — блондин стоял в дверях, небрежно прислонившись к косяку. На его лице еще читались следы недавнего сна.

Он смотрел прямо на нее, и это вызывало легкую неловкость. Его взгляд — пронзительный, но удивительно спокойный и цепляющий — лишал покоя. В нем Бель видела глубокого, сложного человека. Льюис каким-то непостижимым образом утихомиривал ее внутреннего ребенка и заглушал липкий страх. Рядом с ним дышалось легче, он казался надежным щитом от всего мира. Никаких слов не хватило бы, чтобы описать эти новые, хрупкие чувства. Внутри просто воцарялась тишина.

— Очень даже неплохо, — Исабель плотнее закуталась в одеяло.

Утренняя прохлада давала о себе знать: пальцы на руках и ногах совсем замерзли. Она жадно вглядывалась в черты его лица, словно пытаясь отыскать ответы на свои безмолвные вопросы.

— Но если бы вы успокоили меня разъяснениями, было бы еще лучше, — протянула она.

Мужчина сделал шаг вперед и вопросительно приподнял бровь. Бель едва заметно кивнула. Получив немое разрешение, гость прошел вглубь комнаты и опустился в то самое кресло, которое оставил накануне вечером.

На несколько минут воцарилось тягучее молчание. Исабель вновь запуталась в сомнениях и страхах. Ей до боли хотелось найти душу, которой можно доверить все свои муки, но многолетний горький опыт не позволял открыться. Эта вынужденная скрытность угнетала сильнее, чем когда-либо прежде.

В то же время Льюис манил ее. Что-то в его фигуре не давало покоя. Пока он смотрел куда-то в сторону, она еще могла мыслить трезво. Но стоило ему обратить на нее свои чистые, как океанская бездна, голубые глаза, как Бель почувствовала бы себя абсолютно обнаженной. Этот взгляд проникал в самые потаенные уголки ее существа. И это пугало, ведь он оставался единственным, кто умудрялся вызывать в ней такое отчаянное смятение.

— Исабель, предлагаю спуститься и позавтракать, а затем съездить за твоими вещами, — несколько отстраненно произнес Льюис.

Бель едва сдержалась, чтобы не устроить бурный протест. Его слова бесцеремонно выдернули ее из вязкого потока мыслей, который утягивал всё дальше от реальности.

— Вчера я приехала сюда в состоянии аффекта, — оправившись от пережитого шока, девушка трезво осознавала, что остаться здесь не может. Она до конца не верила в правильность этого шага. — Сейчас ты просто отвезешь меня домой, и мы больше никогда не встретимся.

Всё произошедшее уже не казалось таким пугающим, хоть и оставалось далеким от нормы.

— Что ж, в любом случае выбор за тобой. Принуждать я не собираюсь. Помощь предложена, приказ выполнен. Дальше — твоя жизнь и твоя ответственность.

Льюис равнодушно пожал плечами, но в глубине его глаз на мгновение промелькнуло сочувствие, смешанное с тревогой.

— Хорошо, — бросила она, изо всех сил подавляя подступающие эмоции.

Блондин молча кивнул, поднялся и вышел, напоследок наградив ее долгим, полным тихой печали взглядом.

Спустившись на кухню, он принялся за готовку. Исабель еще долго сидела в комнате, терзаясь сомнениями, но голод и здравый смысл в конце концов заставили ее спуститься.

Завтракали в абсолютной, звенящей тишине. Каждый остался при своем мнении, запертый в клетке собственных мыслей. Между ними незримо выросла стена — понимание, что они находятся по разные стороны баррикад. Льюиса задевало ее глухое недоверие и холодность. Бель слишком крепко зацепила его сознание, отделаться от этого наваждения не получалось, но она лишь упорно отталкивала его.

Дорога назад казалась бесконечной. Исабель нещадно клонило в сон, а за стеклом автомобиля монотонно мелькал мрачный, глухой лес. Небо плотно затянули свинцовые тучи — природа за окном с пугающей точностью отражала ее внутренний хаос. На душе было тяжело. Девушка понимала: если сейчас она откажется от защиты, то останется одна, лицом к лицу с неминуемой гибелью. Идти в полицию бессмысленно. Мафия давно внедрила своих людей в высшие эшелоны власти и скупилась всех, у кого была цена. Перейти дорогу криминальному синдикату означало лишь одно — подписать себе смертный приговор.

Исабель и раньше слышала о мафии, но никогда не воспринимала эти слухи всерьез — жестокий преступный мир казался далеким и ни разу не пересекался с ее привычной жизнью. Теперь же пришло ясное, пугающее осознание собственного бессилия. Внутри еще теплилась слабая надежда, что тучи рассеются, но здравый смысл твердил обратное. Она панически боялась довериться незнакомцам, хотя выбора у нее практически не оставалось.

Машина плавно свернула в знакомый квартал. Лишь подъезжая к ее дому, Льюис нарушил затянувшееся молчание.

— Позволишь проводить тебя до квартиры?

Его хриплый голос прозвучал так неожиданно, что по коже девушки пробежали мурашки. Льюис определенно симпатизировал ей — в его манерах крылось нечто невероятно притягательное. Однако симпатия не равнялась доверию. Скорее, это был чистый, почти исследовательский интерес, какой писатель испытывает к загадочному персонажу, стремясь разгадать его тайны.

— А это еще зачем? — Бель натянулась как струна. Мысль о том, что этот человек узнает ее точный адрес, совсем не прельщала.

— Хочу удостовериться, что доставил тебя в целости и сохранности, — губ мужчины коснулась едва заметная, полуигривая улыбка.

Этот жест одновременно смутил и насторожил Исабель. Она долго молчала, невидящим взором уставившись перед собой. Заметив ее замешательство, Льюис осторожно, одними кончиками пальцев коснулся ее замерзшей руки.

— Ты ведь понимаешь, что всё это звучит пугающе? — прошептала она, не отнимая ладони. — Я не могу доверять первому встречному без каких-либо оснований.

— Я заслужу твое доверие, — его голубые глаза на мгновение засияли абсолютной искренностью, за которой, впро-

чем, угадывались застарелая грусть и боль.

Исабель слабо улыбнулась и уныло опустила голову. Собеседник не стал настаивать и мягко убрал руку — он понимал, что сейчас не в силах ускорить события.

Девушка вновь повернулась к окну, по стеклу которого уже всюю хлестал начавшийся ливень. Вид стекающих капель помогал сосредоточиться, пока привычный мир вокруг рушился погребальной лавиной. Новая реальность пронзала и парализовала, а липкое чувство обреченности не приносило ни покоя, ни облегчения.

Автомобиль замер у серой многоэтажки. Льюис проводил спутницу долгим, печальным взглядом, когда она покинула салон. Мужчина постоял во дворе еще несколько минут, наблюдая за светящимися окнами, после чего тяжело вздохнул и уехал.

В квартире встретила всё та же незыблемая, удушливая тишина. Сегодня она не просто давила, а по-настоящему пугала, заставляя судорожно вслушиваться в каждый шорох за стеной. Бель не могла подобрать слов, чтобы описать тот первобытный страх, который просыпался в ней, стоило ей остаться один на один с этой ледяной неподвижностью.

Лишь когда окончательно стемнело, паника немного отступила. Стараясь не шуметь, девушка прошла к письменному столу и достала из нижнего ящика толстый, тяжелый ежедневник. По комнате разнесся глухой шелест страниц. Навалившийся на плечи груз казался неподъемным.

20 октября

Чем я заслужила это безразличие? Тишина в комнатах угнетает, убивает. Здесь никогда не бывает радостно — только мрак и тоска.

Внутри выжженная пустота. Холод пронзает меня, но не физически. Я умираю душой. Нет сил бороться, да и, честно говоря, не за что.

О каких радостях жизни можно говорить, когда ты остаешься совсем одна? Когда твое выживание — исключительно твоя забота? Когда самые близкие люди бросили тебя на произвол судьбы, оставив лишь крышу над головой? Я простила бы им это равнодушие, но зачем? Им ведь это не нужно. А после моего совершеннолетия я, скорее всего, лишусь и этого угла.

Но дом — это место, где комфортно твоей душе. Это пристанище, куда ты отчаянно хочешь вернуться. Это место мне не дом. Здесь я чужая.

Детские воспоминания — самые яркие и жестокие. Они остаются на всю жизнь глубокой болью и обидой. Исабель смотрела на пожелтевшую страницу, усыпанную старыми, едва заметными следами от слез. Ей было невыносимо больно тогда, точно так же, как и сейчас. Прошное мертвой хваткой тянуло на дно, и эти раны уже никогда не затянутся.

Глава 4

За окном завывал ветер, хлѣсткий дождь монотонно барабанил по подоконнику. Больше всего настораживало бездействие тех, кто ей угрожал. Проведя весь день в липком страхе и мертвой, звенящей тишине, а ночь — не сомкнув глаз, Исабель совершенно не понимала, чего ждать и как вести себя в подобных ситуациях.

Новое утро встретило её всё той же мрачной атмосферой. Чувствуя себя абсолютно сломленной, Бель наспех оделась и, даже не притронувшись к еде, выскользнула из квартиры. За пару мгновений преодолев лестничные пролеты обшарпанного подъезда, она оказалась на улице. Настороженно оглядевшись по сторонам, девушка смешалась с толпой на оживленном проспекте и направилась к полицейскому участку. Внутри еще теплилась робкая искорка надежды, которую, впрочем, без труда заглушал первобытный страх.

Город встретил её сыростью и весенней слякотью. Направляясь к остановке, Исабель бездумно вслушивалась в хлопанье луж под подошвами. Окружающий пейзаж казался серым и пасмурным, идеально отражая её внутренний мир, погруженный в глубокую меланхолию, тревогу и штормящий, словно бурное море, страх.

Дорога до участка пролетела как в тумане. Отыскав нуж-

ный автобус, она забилась в угол у окна и, погруженная в тяжелые мысли, доехала до места. Стоило выйти из транспорта, как резкий порыв ледяного ветра обдал лицо. По коже мгновенно побежали крупные мурашки, тело пробрала крупная дрожь. Поежившись, Исабель спрятала руки в карманы куртки и ускорила шаг. Волосы хаотично развевались, то и дело лезли в глаза, но она упорно шла вперед, лишь изредка нервно оглядываясь через плечо.

Когда за спиной захлопнулась тяжелая дверь и девушку окутало долгожданное тепло, она почувствовала слабое облегчение. Миновав длинный пустой коридор, Бель опустилась на жесткую металлическую лавку в ожидании своей очереди. Рядом сидело еще несколько человек, но её внимание привлек парень, расположившийся чуть поодаль. Он вел себя удивительно спокойно и был увлечен телефоном, резко выделяясь на фоне остальных — измученных, дергающихся от каждого шороха людей. Впрочем, этот юноша недолго занимал её мысли. Исабель устало прислонилась затылком к холодной стене.

Когда подошла её очередь, девушка вздрогнула и словно очнулась от тяжелого сна. Ужасы, нарисованные собственным воображением, окончательно захватили её разум.

— Здравствуйте, мне нужна ваша помощь, — растерянно произнесла Исабель.

Она совершенно не знала, как вести себя в таких местах, и робко продолжила, лишь когда дежурный вопросительно

приподнял бровь:

— Я бы хотела написать заявление. Мне угрожают.

Бель мимолетно, вымученно улыбнулась, мысленно ругая себя за глупость и очевидное замешательство.

— Пройдемте со мной.

Она послушно последовала за полицейским по лабиринтам коридоров первого этажа вглубь здания. Мужчина открыл дверь небольшого кабинета.

— Присаживайтесь. Извините, но вам придется немного подождать.

Взяв со стола мобильный телефон, он тут же покинул комнату, оставив девушку в абсолютном одиночестве.

Время словно остановилось, лениво перетекая в душной, неизменной обстановке. В кабинете не было ничего, кроме массивного стола, заваленного папками и бумагами, пары жестких стульев и книжного шкафа, где все документы были расставлены в строгом порядке. Окна отсутствовали. Блеклый свет одинокой лампы едва рассеивал полумрак. Сердце Исабель бешено колотилось — атмосфера в этом замкнутом пространстве казалась зловещей и пугающей.

Дверь за спиной резко захлопнулась, и тут же раздался грубый, не терпящий возражений голос:

— Вставай и пошли со мной.

Исабель подскочила со стула, но делать шаг навстречу незнакомцу не собиралась. Перед ней стоял тот самый парень, который привлек её внимание еще в коридоре. Его гла-

за сверкали яростью, а на шее отчетливо пульсировала жила. Бель испуганно оглядывала незваного гостя, который явно вознамерился увести её силой.

В тот самый момент, когда она набрала в легкие воздуха, чтобы закричать или рвануть к выходу, в кабинет вернулся дежурный. Совершенно спокойным видом он обошел дрожащую девушку, сел за стол и, лениво перебирая документы, произнес:

— Думаю, свою часть нашей сделки я выполнил.

Он поднял равнодушный взгляд на парня, который продолжал буквально буравить Исабель глазами. Девушка неосознанно пятилась, озираясь по сторонам в поисках спасения. Оба мужчины были настроены враждебно. В эту секунду в глубине души Бель отчаянно пожалела, что не осталась с теми людьми, которые вчера искренне пытались ей помочь. Но было уже слишком поздно.

— Можешь спокойно вывести её через черный ход, — полицейский кивнул собеседнику на дверь, давая понять, что его утомило это присутствие. — Машина уже ждет вас во дворе.

С каждым мгновением в груди росла удушливая паника, сковывая каждую клеточку тела. Чувствуя на себе враждебные взгляды, Исабель медленно пятилась назад, пока не уперлась спиной в холодную стену. Время словно замедлилось, а земля уходила из-под ног. Совладать с собой и мыслить здраво не получалось — разум окончательно капитули-

ровал перед кошмарами, которые подбрасывало воображение. Перед глазами всё поплыло, очертания кабинета смазались в сплошное серое пятно. Последнее, что Бель успела заметить перед тем, как окончательно потерять сознание и мягко осесть на руки парня, была его торжествующая улыбка. Этот юноша оказался далеко не так прост, как ей показалось в коридоре.

Комнату, лишенную даже намека на уют, заполняла гнетущая тишина, которую лишь изредка нарушали далекие шорохи и едва различимый гул чужих голосов. Единственное окно, перечеркнутое массивной стальной решеткой, пропускало тусклый дневной свет. Солнце надежно спряталось за хмурыми свинцовыми тучами, плотно затянувшими весь небосвод. Из окна виднелась лишь бесконечная стена мрачного зеленого леса.

Громкие всхлипы... Они робко разносились по помещению, отражались от голых бетонных стен и блуждали по углам, словно неприкаянные души. Этот плач вторил сам себе и в конце концов растворялся в пустоте, так никем и не услышанный.

Исабель плакала навзрыд, совершенно не понимая, где находится и есть ли у нее вообще будущее. Запертая в четырех стенах обшарпанной камеры, она изливала душу в безмолвное пространство, где её боль мгновенно испарялась, не находя ни малейшего отклика. Привычный мир внутри нее бо-

лезненно и стремительно рушился. Каждый кирпичик, который она так тщательно закладывала в фундамент своей хрупкой жизни, покрывался глубокими трещинами, а затем рассыпался в бесформенную серую пыль.

Вряд ли в целой вселенной сейчас существовало хоть что-то, способное спасти её от этих угнетающих мыслей, полных страданий. Постепенно слезы иссякли, уступая место глухому, апатичному смирению. Девушка отчетливо понимала, что полностью бессильна перед обстоятельствами. Выхода не было. Оставалось только ждать.

Сквозь приоткрытое окно мчащегося на бешеной скорости автомобиля врвался резкий ветер, хаотично перебирая светлые волосы водителя. Машина продолжала разгоняться, послушно виляя по извилистой лесной дороге. Грозный рокот мощного мотора и свист воздушных потоков стали для Льюиса единственными компаньонами, успешно поглощая давящую тишину салона.

Мужчина ехал, полностью погруженный в тяжелые думы. Он сорвался с места первым, а следом за ним уже устремились его люди. Даже сам дон синдиката подключился к операции по вызволению Исабель Брукс. Никто в окружении не мог до конца понять мотивов босса: с чего вдруг Николас лично вступается за девчонку? Безусловно, здесь крылась какая-то выгода, но какая именно? Никто не догадывался о скрытых интересах Райта и о том, почему он решил возгла-

вить перехват.

Автомобиль буквально летел вперед, увлекая за собой целый кортеж машин. Приказ спасти девушку был отдан сверху, но Льюис выполнял его по собственной воле — он сам вызвался пойти в авангарде. Мысли о том, что Исабель сейчас страдает в руках подлых, бесчестных ублюдков, привыкших вести грязную игру, не давали ему покоя. Они пугали, злили и заставляли давить на газ всё сильнее. Он был готов лично перегрызть глотки похитителям, лишь бы с ней ничего не случилось. К несчастью, он слишком хорошо знал, что такие люди обычно делают со своими жертвами.

Впереди наконец показались очертания нужного здания, и внутри у Льюиса всё перевернулось. Он мчал по финишной прямой, отчаянно надеясь на благополучный исход. Банальная человеческая жалость к человеку со сложной судьбой, о которой сама Бель еще даже не догадывалась, заставляла его сердце сжиматься. Внезапно нахлынувшие воспоминания о том, как он сам когда-то увяз в криминальных играх и стал частью этого жестокого мира, едва не накрыли его с головой. Но мужчина жестко оборвал эти мысли, отгоняя их как лишний отвлекающий фактор.

Автомобиль лихо затормозил у высокой металлической ограды. Выйдя из салона, Льюис окинул взглядом пустынную лесную трассу, уходящую далеко назад, к городу. Серое обшарпанное здание, возвышающееся над верхушками бескрайних деревьев, не вызывало у него никакого интере-

са. Он лишь хмуро осматривал территорию, прекрасно понимая: они застрянут здесь надолго. Изъятие заложницы неизбежно выльется в кровавое выяснение отношений. Две давно враждующие группировки попросту не умели решать вопросы иначе.

От созерцания заброшенного комплекса Льюиса отвлек резкий визг тормозов подъехавшего автомобиля дона. Николас прибыл с единственной целью — раз и навсегда указать врагу его место. Главу синдиката до безумия выводили из себя затянувшиеся разборки с одним и тем же человеком, который никак не мог уяснить простую истину: он ходит по лезвию ножа, испытывая чужое терпение. И сейчас лишь одному Богу было известно, какой именно приговор вынесет Николас Райт.

— Помнишь, о чем мы договаривались?

Райт крепко перехватил Льюиса за локоть, заставив посмотреть прямо в свои ярко-зеленые глаза, полыхавшие адским пламенем гнева. Босс был готов лично удушить любого, кто осмелится встать на его пути или спутать карты. За годы совместной работы они стали довольно близки, насколько это вообще было возможно. Их многое связывало, несмотря на то, что Николас никого не подпускал к себе близко, а уж тем более не открывал душу. Существовал ли в мире хоть один человек, знавший его настоящего? Вряд ли. Льюис Мур до гроба был благодарен дону за то, что тот когда-то спас его, протянув руку помощи в самый безнадежный момент. С тех

пор он служил Райту исключительно по собственной воле. В мафии Льюис обрел твердую опору и преданных соратников. Всё это криминальное братство стало для него родным, а смертельные опасности больше не пугали. Среди этих жестоких людей он наконец нашел себя, хоть и оставался самым мягким и человечным на фоне остальных солдат и капо.

— Естественно, — Льюис коротко кивнул.

Злорадная, хищная улыбка тронула губы дона. Николас остался более чем доволен ответом. Он крепко похлопал капо по плечу и первым уверенно двинулся к зданию. Штурмовой отряд, прибывший следом за боссом, выглядел внушительно. Вопреки расхожим стереотипам о мафиози в дорогих брутальных костюмах, основную массу бойцов Райта составляли молодые, специально обученные парни. Строгую классику они оставляли для редких официальных мероприятий, а сейчас были облачены в боевую экипировку угольно-черного цвета. На груди каждого красовался герб синдиката «Cinder Rose» — черная роза, объята языками пламени.

Вооруженные до зубов люди дона были настроены решительно — они приехали устроить кровавую баню. Николаса вела вперед не только необходимость вызволить девчонку Брукс, но и личные счёты.

Солдаты даже не пытались действовать скрытно. Выбив тяжелые двери, они с грохотом ворвались внутрь, шумно и агрессивно заявляя о своем присутствии. По заброшенным

коридорам тут же эхом раскатились первые выстрелы. Пока основной отряд отвлекал огонь на себя, Льюис, следовавший особому плану, незаметно прошмыгнул к боковой лестнице. Пролетев на второй этаж, он устремился в крыло, где, по наводке, держали пленниц. Мужчина двигался стремительно, держа оружие наготове и в любую секунду ожидая нападения. Ждать пришлось недолго — первый противник вырос перед ним почти сразу.

— Живо остановился, если не хочешь неприятностей, — приказал боец в униформе с гербом группировки Арона Холла.

Эта банда уже давно балансировала на грани хрупкого перемирия, и конфликт был неизбежен.

— Неприятности будут не у меня, — Льюис хищно улыбнулся.

В одно мгновение Мур ловким ударом выбил у противника автомат и прижал его к стене, приставив к горлу вовремя выхваченный стилет.

— Говори, в какой комнате девчонка, которую привезли пару часов назад? — зловещим шепотом потребовал капо, сильнее вдавливая лезвие в шею часового. Он был готов выбить информацию любой ценой.

— Прямо по коридору, затем направо. Третья дверь слева, — прохрипел тот.

Острое лезвие рассекло кожу. Тонкая струйка крови потекла по шее бойца, пачкая воротник. Льюис убрал клинок,

и обмякшее тело безжизненно сползло по стене на бетонный пол. Капо даже не взглянул на поверженного врага. В коридоре повисла звонкая, натянутая тишина — воздух словно превратился в струну, готовую лопнуть от малейшего шороха.

Мур стремительно двинулся в указанном направлении. Его шаги были абсолютно беззвучными — сказывались годы, проверенные на опасных улицах и в криминальных стычках. Лишь едва слышное шуршание подошв и собственное ровное дыхание выдавали его присутствие. Вокруг пахло сыростью, ржавым железом и гнилью — казалось, сами стены этого заброшенного здания дышали смертью. Где-то неподалеку мерно, словно метроном, капала вода.

Льюис мысленно считал двери. Первая — пусто, вторая — заперто, третья — приоткрыта. Сердце бешено колотилось у самого горла, но лицо оставалось каменным. Он запретил себе думать о худшем — только вперед. Короткий кивок, чтобы прогнать остатки сомнений. Он не имел права на страх. Не сейчас.

Помещение встретило его удушливым запахом пыли и осязаемой паники. Под потолком тускло горела одинокая лампочка. Она едва разгоняла полумрак, отбрасывая на исписанные стены длинные, дрожащие тени. На полу валялась бетонная крошка и пустые гильзы. Исабель сидела на старой койке, до предела вжавшись в спинку и крепко обхватив себя руками за плечи. Волосы были растрепаны, глаза опухли от

слез. Она посмотрела на вошедшего, как затравленный зверек, готовый к новому удару.

Льюис сделал осторожный шаг внутрь. Исабель резко вздрогнула, будто ее ударили током, и сжалась еще сильнее.

— Ты всё еще не доверяешь мне? — тихо, почти шёпотом спросил он.

Его голос звучал хрипло — то ли от усталости, то ли от колоссального напряжения, которое он сдерживал из последних сил.

— А с чего бы мне тебе верить? — едва слышно выдохнула она.

Слезы хлынули из глаз — беззвучно, тяжело. Они крупными каплями катились по щекам и падали на подол футболки, оставляя быстро темнеющие мокрые пятна.

Льюис не стал медлить. Он решительно подошел и сел на край койки — старые пружины жалобно скрипнули, и матрас глубоко прогнулся под его весом. Мужчина осторожно положил ладонь на ее плечо. Исабель снова вздрогнула от прикосновения, но в этот раз не отодвинулась. Она была ледяной, и капо отчетливо почувствовал, как ее бьет крупная дрожь.

— Нам нужно уходить, — твердо произнес он, ловя ее испуганный взгляд. — Поверь мне, Иса. Мне незачем тебя обманывать. Я выведу тебя отсюда. Обещаю, ты будешь в безопасности. Клянусь.

Девушка медленно подняла голову. В полумраке его глаза

казались почти светящимися — пронзительная, прозрачная голубизна горного озера. Бель физически ощущала, как этот взгляд проникает в самую глубь ее существа, безошибочно считывая всё: запредельный страх, отчаяние и ту крошечную искру надежды, которую она так тщетно пыталась спрятать ото всех.

— Солнышко, доверься мне, — прошептал он одними губами.

Голос мужчины сорвался на выдох, и его теплое дыхание мягко коснулось ее бледной щеки.

Исабель приоткрыла рот, пытаясь выдавить хоть слово, но в горле застрял удушливый ком.

Ответить она не успела.

Дверь с оглушительным грохотом распахнулась — тяжелая створка с силой ударилась о стену, выбив облако старой штукатурки. Двое вооруженных солдат мгновенно ворвались внутрь, на ходу оценивая обстановку. Их хищные взгляды мазнули по замершей на кровати Исабель и намертво впились в Льюиса. Тяжелые армейские ботинки с мерзким скрежетом прошли по бетонному полу, оставляя за собой шлейф уличной грязи.

— Идиот, — бросил один из них, оскалившись в кривой усмешке. — Думал, мы вас отпустим?

Льюис медленно выпрямился, убирая руку с плеча девушки. Он сделал глубокий, спокойный выдох — так дышат перед прыжком в ледяную воду. «Я обязан её вывести», — бе-

шено пронеслось в голове. Это была уже не мысль, а отчаянная молитва. Мур перестал слышать стук собственного сердца, весь его мир сузился до звенящей предбоевой тишины.

Нападавшие бросились одновременно. Первым пошел встречный удар — Льюис резко уклонился в сторону, блокируя летящий кулак предплечьем. Жесткое столкновение костей отозвалось глухим стуком, руку на миг прошила резкая боль, но капо не остановился. Второй солдат уже заходил с фланга. Размашисто развернувшись, Льюис выбросил ногу вперед, целясь точно в коленную чашечку. Противник хрипло зашипел и покачнулся, однако устоял на ногах.

Тесная комната превратилась в смертельную клетку. Старая кровать, голые стены, ржавая тумбочка — всё мешало маневрировать, каждый метр пространства работал против него. Льюис крутился волчком, уходя от режущих выпадов и принимая удары корпусом, чтобы защитить голову. Солдаты наседали с яростным, тяжелым дыханием. В воздухе отчетливо запахло потом, железом и застарелой кровью.

Исабель в ужасе забилась в самый угол кровати. Поджав колени к груди, она намертво прижала ладонь к губам, чтобы не разрыдаться от подступающего крика. На её глазах Льюис принимал удар за ударом. Белая ткань его футболки стремительно покрывалась багровыми пятнами на рукавах, груди и животе. Вражеские ножи безжалостно полосовали одежду и кожу, оставляя глубокие красные дорожки. Одежда превращалась в рваные лохмотья, обнажая свежие ссадины и кро-

воточащие раны.

— Хватит! — наконец сорвалось с её губ. Голос прозвучал чужим, хриплым от паники. — Прекратите!

Её мольбу никто не услышал. Или просто проигнорировали.

Льюис тяжело шатнулся, но чудом удержал равновесие и вложил все остатки сил в мощный хук справа. Кулак с хрустом врезался в челюсть первого нападавшего. Того отбросило назад; глухо ударившись о бетонную стену, он сполз по ней, оставив за собой смазанный кровавый след. На долю секунды дышать стало свободнее. Но не успел Мур обернуться ко второму противнику, как в дверном проеме выросла массивная фигура третьего бойца.

В его руке тускло блеснула сталь пистолета. Дуло смотрело прямо в грудь блондина.

— Ах ты тварь, — бросил тот, презрительно кривя губы. — Решаем по-простому.

Исабель не успела даже вскрикнуть. Оглушительный выстрел разорвал тесное пространство. Пуля в считанных сантиметрах просвистела мимо головы Льюиса и насквозь пробила стену за его спиной. Крупные куски бетона и серая штукатурка с сухим треском посыпались на пол. Капо успел отпрянуть в сторону лишь чудом, доверившись первобытной интуиции.

Девушка зажмурилась. Уши мгновенно заложило, а в голове поднялся протяжный, невыносимый звон.

— Поубиваю вас всех к чертям! — внезапно прогремело на весь этаж.

Голос был низким, леденящим душу и пробирающим до самых костей.

Бель распахнула глаза. На пороге стоял высокий мужчина с резко очерченными скулами, прямым носом и жесткой, упрямой линией челюсти. Его глаза полыхали яростным изумрудным огнем — от одного этого взгляда хотелось забиться в щель и никогда не высовываться. Николас Райт явился лично. Сразу за его спиной в комнату шквалом ворвались штурмовики. Бойцы действовали молниеносно, слаженно и профессионально. Серия сокрушительных ударов, глухие стоны, металлический звон выбитого из рук оружия — и всё было кончено.

Солдаты Арона, которые еще секунду назад безжалостно добивали Льюиса, уже недвижимо лежали на полу, жестко скрученные парнями дона. Третий похититель, державший пистолет, получил сокрушительный удар прикладом в лицо и беззвучно осел на бетонную крошку.

Льюис, бледный как полотно, покачиваясь, сделал шаг в сторону выхода. Изрезанная футболка окончательно пропиталась кровью. Его сильно повело в сторону — израненные ноги не слушались и подкашивались от слабости. Солдаты «Cinder Rose» тут же подхватили капо под руки, не давая ему рухнуть.

— В машину его, быстро, — приказал Николас, даже не

удостоив подчиненного взглядом. Его резкий, властный тон не терпел задержек. — И врача ко мне. Живо.

Раненого поспешно вывели из помещения. В комнате воцарилась внезапная, звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым, тяжелым дыханием испуганной Исабель.

Дон неторопливо подошел к кровати. Девушка инстинктивно сжалась под его массивной фигурой, но отвести взгляд была не в силах — настолько подавляющей оказалась энергетика этого человека. Николас смотрел на нее свысока, равнодушно разглядывая, точно какую-то редкую и странную находку.

— Вставай, — коротко бросил он.

Голос звучал негромко, но в нем звенела стальная, абсолютная сила, исключаяющая любые возражения.

Исабель испуганно мотнула головой и попыталась отползти назад, пока ее лопатки окончательно не уперлись в холодную бетонную стену.

— Даже не надейся, что я стану тебя уговаривать, — фыркнул Райт. — Надо будет — силой утащу. Мне только не хватало тратить время и каждый раз вызволять тебя из рук этих ублюдков.

Он требовательно протянул ей широкую ладонь со сбитыми в кровь костяшками.

— А зачем... зачем тебе это? — едва слышно прошептала Исабель. Ее голос мелко дрожал от подступающих слез.

И всё же она вложила свою ладонь — узкую, ледяную — в

его широкоую и горячую руку. Николас тут же сомкнул пальцы. Не больно, но намертво, исключая любую возможность вырваться.

— Не лезь в мои дела, кроха, — он наклонился к самому ее уху. Горячее дыхание обожгло кожу, и по шее девушки мгновенно разбежались крупные мурашки. — Запомни: никто в этом городе не посмеет тебя тронуть, пока ты находишься под моей защитой.

Райт уверенно увлек ее за собой в коридор.

В нос тут же ударил резкий, едкий запах гари и порохового дыма. С нижних ярусов здания доносились яростные крики, сухие хлопки пистолетных выстрелов и оглушительный лязг металла. А в следующее мгновение этаж содрогнулся от мощного взрыва. Огненный язык яростно лизнул потолок первого этажа, осыпая бегущих людей градом мелких осколков, бетонным крошевом и удушливой пылью. Пол под ногами ощутимо дрогнул.

Исабель испуганно вскрикнула и мертвой хваткой вцепилась в плотную ткань куртки Николаса. Тот лишь коротко, цинично усмехнулся и по-хозяйски приобнял ее за плечи, намертво прижимая к своему боку. Затем небрежно провел ладонью по ее растрепанным волосам — грубовато, но в этом жесте угадывалось подобие странной нежности.

— Тише. Со мной не пропадешь.

Не дожидаясь, пока девушка опомнится, дон легко подхватил ее на руки, словно она совсем ничего не весила. Ни-

колас стремительно понес ее вниз по полуразрушенной лестнице, уверенно перешагивая через дымящиеся обломки, горящие деревянные балки и корчащиеся на полу тела поверженных врагов. Прижавшись к его груди, Исабель отчетливо чувствовала сильное тепло сквозь куртку. Она слышала его ровное, абсолютно спокойное дыхание и мощные, размеренные удары сердца. И впервые за всё время этого бесконечно-го кошмара липкий страх внутри нее начал отступать.

У припаркованного во дворе черного автомобиля Райт бережно опустил ее на землю и распахнул заднюю дверцу.

— Садись.

— Я хочу увидеть Льюиса, — выдохнула она, упрямо не двигаясь с места.

Николас вопросительно выгнул бровь. В сгущающемся полумраке его лицо казалось высеченным из цельного куска гранита — ни одной лишней эмоции, ни единого намека на жалость.

— Не верю, — покачал он головой.

— Почему? — ее голос внезапно окреп, потеряв прежнюю дрожь.

— Интонация подводит. Ты сама не веришь в то, что сейчас требуешь. Впрочем, мне это нравится. Настоящее упрямство в наших кругах — редкий товар. Ладно, увидишь ты своего спасителя. Но позже. А теперь слушай меня сюда очень внимательно.

Он на секунду задержал на ней свой тяжелый, пронизыва-

ющий до самых костей взгляд, после чего продолжил жестко, чеканя каждое слово:

— Отныне ты — часть этого мира, Исабель. Хочешь ты того или нет, но твоя прежняя жизнь закончилась. Будешь бояться — тебя сожрут и не поморщатся. Никогда не показывай врагам свою слабость. Всегда держи спину ровно. Даже если внутри тебя всё рушится и сгорает дотла, снаружи должен быть лед. Иначе в этих реалиях тебе просто не выжить.

Исабель молчала, тяжело переваривая услышанное. Внутри всё переворачивалось от осознания того, что её прежний мир безвозвратно уничтожен.

В машине они ехали в абсолютном, звенящем безмолвии. В салоне отчетливо пахло дорогой кожей и чем-то горьким — возможно, пороховым дымом, а возможно, парфюмом самого Николаса. За стеклом монотонно мелькали силуэты деревьев. Трасса петляла между массивных стволов, то погружая автомобиль в густую тень, то снова выныривая под бледный свет луны. Девушка отрешенно смотрела в окно, не замечая проносящегося мимо леса. Она видела лишь собственное отражение: бледное лицо, заплаканные глаза и зарождающуюся в глубине зрачков чужую, несвойственную ей ранее решимость.

Райт уверенно вел машину, лишь изредка украдкой поглядывая на свою пассажирку. Он спас её. Но что за этим стояло? Голый криминальный расчет или нечто большее?

Исабель не знала ответов и панически боялась спрашивать.

Вскоре впереди замерцали приветливые огни. Из темноты вырос двухэтажный особняк, ослепительно белый, словно свежий снег, и надежно укрытый от посторонних глаз густым лесом и скалистыми горами. Поместье казалось нереальным — ожившая иллюзия из совершенно другого мира, где безраздельно правили безграничная власть и колоссальные деньги.

Стоило машине остановиться, Исабель вышла на прохладный воздух и заворуженно замерла. Перед домом расстилался ухоженный, роскошный сад. Изящные чугунные фонари заливали кирпичные узорчатые дорожки мягким янтарным светом. Вокруг пышно цвели кусты алых роз, еще влажных от вечерней росы, а высокая кованая изгородь была плотно увита растениями с мелкими фиолетовыми бутонами. Воздух здесь казался кристально чистым. Пахло хвоей, мокрой землей и абсолютным, непривычным покоем.

— Я тебе поражаюсь, — негромко раздался над ухом голос Николаса.

Он мимоходом стянул с себя плотное худи и накинул ей на плечи. Ткань еще хранила живое тепло его тела. Исабель невольно поёжилась — не от пронизывающего ветра, а от внезапного, оглушающего чувства защищенности, которое окутало её вместе с этой чужой вещью.

— Твои пожитки привезут ближе к вечеру, — добавил дон.

— Спасибо, — тихо отозвалась она.

— Пошли в дом. Замерзнешь ведь.

— Позже, — качнула головой Бель, продолжая заворуженно разглядывать цветущий сад.

— Давай, вечером выйдешь еще раз...

— А ты погуляешь со мной? — она резко повернулась к нему, заглядывая в зеленые глаза.

— Хочешь этого? — едва заметная, непривычно мягкая улыбка на мгновение коснулась его губ.

— Хочу. Мне ведь нужно узнать тебя получше.

Николас молча взял её за руку — спокойно, без прежней властной хватки — и повел к массивным дверям особняка.

Время до наступления глубоких сумерек пролетело незаметно. Они проговорили несколько часов подряд. Поначалу Исабель отвечала односложно, вздрагивала от каждого шороха и боялась даже улыбнуться, но постепенно внутреннее напряжение начало отступать. Райт оказался далеко не таким ледяным и безжалостным чудовищем, каким казался на первый взгляд.

Они устроились в просторной гостиной с огромными панорамными окнами, пили крепкий кофе, и хозяин дома увлеченно показывал ей редкие старинные книги из своей библиотеки, облаченные в тяжелые кожаные переплеты. В какой-то момент Исабель искренне рассмеялась его суховатой, циничной шутке, а затем испуганно поймала себя на мысли, что отчаянно хочет быть ближе к этому человеку. К

холодному, опасному — и почему-то ставшему вмиг родному.

Она еще не понимала, что это внезапное тепло — лишь искусная маска, а внутри Николаса бушуют разрушительные, черные бури. Он видел в ней лишь слабую, наивную девчонку, но упрямо защищал, даря ту опору, которую ей не давал никто и никогда в жизни.

Бель даже не догадывалась, что рано или поздно ей придется увидеть его истинное, жестокое лицо. И в тот день её иллюзорный замок неизбежно рухнет, погребая под обломками всё святое.

Но сейчас, в это самое мгновение, она наконец находилась в абсолютной безопасности. И впервые за долгие, мучительные годы была не одна.

Глава 5

В дверь негромко постучали. Николас тяжело вздохнул и оторвался от документов. Не успел он произнести ни слова, как створка приоткрылась и в проеме показалась Исабель.

— Что-то случилось? — Райт откинулся на спинку массивного кожаного кресла.

— Я хочу поговорить, — девушка решительно вошла в кабинет и плотно прикрыла за собой дверь. — Ты сказал, что отныне я часть вашего мира. Я не просила об этом, но, кажется, выбора у меня действительно нет.

Николас молчал, внимательно наблюдая за каждым её движением.

— Я останусь здесь, — продолжила Бель, набравшись смелости и посмотрев ему прямо в глаза. — Но не на правах беззащитной пленницы, которую прячут в золотой клетке. Я хочу научиться стрелять. Хочу знать, что происходит вокруг. И я требую, чтобы меня перестали запира́ть в комнате всякий раз, когда тебе этого вздумается.

— Ого, — дон усмехнулся, но в этой усмешке не было прежнего цинизма. — Кроха выдвигает условия?

— Я не кроха, — твердо отрезала Исабель. — И я не собираюсь безвольно сидеть в углу и дрожать от страха. Раз уж мне суждено жить по твоим правилам, я хочу иметь право

голоса.

Николас медленно поднялся, подошел к панорамному окну и на несколько секунд задумался, разглядывая ночной пейзаж. Затем он повернулся к ней, и в его зеленых глазах мелькнуло новое, едва уловимое чувство — уважение.

— Хорошо, — согласился он. — Я лично научу тебя обращаться с оружием. Будешь в курсе основных дел. Но у меня есть одно встречное требование: когда я говорю «сидеть тихо», ты беспрекословно подчиняешься. Вопросы жизни и смерти в этом доме решаю только я. Идет?

Исабель на мгновение задумалась, взвешивая все риски.

— Идет, — кивнула она. — Но учти: если я почувствую, что ты врешь или скрываешь от меня что-то жизненно важное, я буду искать правду самостоятельно.

— Договорились, — неожиданно мягко произнес Райт. — Завтра утром начнем с малого.

Он коротким кивком указал на выход, и девушка послушно покинула кабинет.

Не зная, чем занять себя в огромном особняке, она спустилась в просторную гостиную. Огромные окна выходили в затаившийся сад, где едва теплились редкие уличные фонари. Одиночество вновь попыталось затянуть её в свои сети; Бель забралась на диван с ногами и крепко обхватила колени руками. Однако побыть наедине со своими мыслями ей не удалось. Спустя пару минут дверь отворилась, и в комнату вошел Николас.

— Не спится? — спросил он, присаживаясь в глубокое кресло напротив.

— Не знаю... — Исабель неопределенно пожала плечами. Мужчина потянулся к пульту и включил негромкую, ненавязчивую музыку, а затем внезапно предложил сыграть в какую-то глупую, почти детскую игру на спор. Сама от себя не ожидая, девушка согласилась. Напряжение, копившееся днями, наконец начало таять. Всего через полчаса гостиную заполнил её звонкий, искренний смех — Николас шутливо попытался её защекотать, а она отчаянно и весело отбивалась.

— Сдаюсь, отпусти!... — задыхаясь от хохота, выдохнула Исабель.

Он убрал руки, но остался сидеть на диване, совсем рядом с ней. Девушка буквально сияла, до конца не понимая причин такой резкой перемены в своем настроении. Это хрупкое чувство было невесомым и коротким, как мимолетный вздох. Счастье? Бель уже и забыла, как оно выглядит на самом деле.

За панорамными стеклами поздний вечер окончательно уступил права непроглядной, глухой ночи. Из-за рваных облаков на мгновение показался острый серп луны, озарив верхушки векового леса. Внизу, в ухоженном саду, мягко горели фонари, превращая переплетенные ветви деревьев в причудливое кружево.

Исабель перевела взгляд на Николас. Дон молча смотрел

на нее, и между ними воцарилась тишина — на этот раз не гнетущая, а удивительно наполненная, осязаемая. Впрочем, его взор казался расфокусированным: он смотрел одновременно сквозь неё, в окно, в ночную бездну и глубоко в самого себя. Девушка не знала, какие призраки прошлого он там видит. И, честно говоря, не была уверена, что действительно хочет это узнать.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — нарушив очарование момента, прошептала она.

В звенящей тишине гостиной её тихий голос прозвучал неожиданно громко. Николас молча кивнул и вальяжно откинулся на спинку кресла.

— Завтра я организую твою встречу с Льюисом, — бросил он вслед, так и не обернувшись.

Исабель ничего не ответила. Она бесшумно покинула комнату, поднялась на второй этаж и, лишь когда тяжелая дверь спальни закрылась, позволила себе сделать глубокий выдох. Прижавшись спиной к деревянному полотну, Бель пыталась унять бешеное сердцебиение. Ладони мелко дрожали. Внутри неё завязался тугим узлом из противоречивых чувств: здесь были и остатки прежнего страха, и зарождающееся доверие, и какая-то тягучая, непрощеная нежность, которую она так отчаянно пыталась в себе подавить.

«Не смей привязываться к нему, — мысленно приказала она самой себе. — Ты и так стоишь на краю бездны. Одно неверное движение — и полетишь вниз».

Девушка обессиленно рухнула на кровать и мгновенно провалилась в тяжелый, тревожный сон.

Глубокая ночь. На улицу обрушился проливной дождь.

Николас стоял посреди пустынного сада, запрокинув голову к черному небу. Ледяные потоки воды нещадно хлестали по лицу, стекали по волосам и задерживались на шее, но он словно ничего не замечал. В его голове привычно гремели отголоски недавних выстрелов, предсмертные крики врагов и тот самый шум, который не затихал внутри уже долгие годы.

Он простоял под ливнем слишком долго. Наконец мужчина тяжело вздохнул, спрятал руки в карманы и медленно побрел по кирпичным дорожкам, невидящим взором уставившись себе под ноги. Вода шумно хлюпала под подошвами кроссовок, а резкие порывы ветра яростно трепали мокрую листву раскидистых деревьев. Изящные фонари пытались разогнать ночную мглу, но темнота никуда не уходила — она упрямо следовала за доном по пятам, прячась за его спиной.

В особняк Райт вернулся лишь спустя несколько часов. Прежде чем подняться к себе, он бесшумно приоткрыл дверь в комнату Исабель.

Девушка спала, беззащитно свернувшись калачиком; теплое одеяло скомкалось и сползло к её ногам. Николас осторожно подошел к постели и аккуратно накрыл её до самых

плеч. В густом полумраке он долго разглядывал черты её лица — сейчас, во сне, оно казалось удивительно спокойным, почти детским. Поддавшись необъяснимому, минутному порыву, мужчина едва ощутимо провел ладонью по её шелковистым волосам.

Он покинул спальню так же тихо, как и вошел. Без единого звука.

Утро наступило стремительно, и яркие солнечные лучи безжалостно ударили по глазам. Николас недовольно поморщился, отвернулся от окна и с головой зарылся в одеяло, уткнувшись лицом в мягкую подушку. В постели было настолько тепло и уютно, что мысль о подъеме казалась кощунственной. Это сонное тепло убаюкивало, утягивая обратно в объятия дремы, но окончательно уснуть ему так и не дали.

Дверь его спальни бесцеремонно распахнулась, и в комнату вихрем влетела молодая брюнетка. Её темно-каштановые волосы были растрепаны, а черные, как сама ночь, глаза метали гром и молнии.

— Николас! — оглушительно крикнула она с порога.

Райт лишь нечленораздельно пробурчал что-то в подушку, даже не подумав шевельнуться.

— Чего тебе еще, чертовка? — наконец глухо отозвался он, неохотно принимая сидячее положение.

Пронзительный взгляд незваной гостьи тут же оценивающе скользнул по его обнаженному рельефному торсу. Николас иронично хмыкнул, отчего девушка нахмурилась еще

сильнее.

— К тебе пришли, а ты тут дрыхнешь! — раздраженно буркнула брюнетка. — Они уже сожрали мне весь мозг. Это твои проблемы, так что разбирайся сам.

Николас лениво натянул футболку, шорты и направился к выходу, но у самой двери его остановил её строгий, звучный голос:

— Что за девчонка спит в гостевом крыле?

— Вот сейчас внизу и познакомишься, — Ник коротко кивнул и вышел в коридор.

— И её пленил? Зачем тебе это? — в чёрных глазах отразилась застарелая боль, но она не позволила себе пролить ни слезинки.

— Ты о чём вообще? Неужели тебе здесь так плохо живется? — усмехнулся Николас, прекрасно зная, что в особняке её свободу никто не ограничивает.

Брюнетка лишь упрямо отвернулась к окну, игнорируя его тон.

— Эту девушку я спасаю от верной гибели, — уже серьезнее добавил Райт. — Как, впрочем, когда-то спас и тебя, Дарси. Ты ведь оказалась втянута во все разборки совершенно случайно.

— От верной гибели? И откуда же она возьмётся? — укоризненно бросила она, так и не повернув головы. — Я слишком хорошо тебя знаю, Николас. Ты бы никогда не стал помогать первому встречному просто так.

— Успокойся. Никто не сможет присмотреть за ней в этом доме лучше тебя. Ведь именно этого ты боишься, не так ли?

— Как бы ты ни строил из себя благородного рыцаря, я лучше других знаю твое истинное лицо! — Дарси внезапно сорвалась на крик, и первые горячие слезы всё-таки покатились по её щекам. — Я своими глазами видела обратное. Холодного, расчетливого и жестокого убийцу! И не потому ли я сама заперта здесь? Ты можешь сколько угодно говорить о спасении невинных, но у тебя во всём, абсолютно во всём, есть своя скрытая выгода! Ты лжив, Николас! Твои фальшивые маски — это всё, что у тебя осталось. Ты понятия не имеешь, что такое искренняя доброта, любовь или верность. В твоей жизни всё наиграно...

Она резко замолчала, тяжело дыша. Лицо Николаса никак не изменилось — его каменная маска безразличия лишь безмолвно подтверждала каждое брошенное ей обвинение.

Поняв, что спорить бесполезно, Дарси не стала ждать ответа. Развернувшись, она стремительно направилась к комнате той самой девушки, которую он просил разбудить перед визитом утренних гостей. Брюнетка шла по длинному коридору, а внутри неё бушевал настоящий ураган эмоций. По хорошему, ей стоило бы до дрожи бояться Райта — особенно зная, на какие кошмары способен этот человек. Но страха не было. И показывать свою уязвимость она не собиралась.

Подойдя к нужной двери гостевого крыла, Дарси коротко постучала.

— Войдите, — донесся изнутри тихий, мягкий голос.

Девушка приоткрыла дверь. Исабель сидела по-турецки на самом краю просторной кровати, уютно укутавшись в пушистый плед. В её руках была зажата раскрытая книга.

— Доброе утро, — негромко произнесла Дарси, мимоходом оценивающе скользнув взглядом по комнате и её новой обитательнице.

— Доброе. А ты... — Исабель растеряннo замолчала, не зная, как обратиться к незнакомке.

— Дарси.

— Исабель. Очень приятно. Присаживайся, — Бель вежливым кивком указала на глубокое кресло у стены. Брюнетка послушно опустилась на мягкое сиденье и ободряюще улыбнулась. — Подскажи, а ты здесь... Даже не знаю, как правильнее спросить, — смущенно пробормотала Исабель, неловко опустив взгляд.

— Ничего страшного, спрашивай прямо, — черноглазая гостья горько усмехнулась. — Я здесь на правах почетной пленницы. По большей части. Умудрилась увидеть много лишнего, так что теперь я одновременно и неудобный свидетель, и отличная добыча для многочисленных врагов Николаса Райта. Вот он и укрыл меня в своем логове.

Исабель не проронила ни слова, интуитивно чувствуя, что за этой напускной иронией скрывается глубокая личная драма и Дарси явно хотела бы сказать гораздо больше.

Пытаясь сгладить возникшую паузу, Бель перевела задум-

чивый взгляд на огромное панорамное окно. Вид за стеклом открывался поистине невероятный: величественные горные хребты, бескрайний вековой лес, утопающий в сочных зеленых красках, и ухоженный сад, пестрящий яркими цветами. Небо плотно устилали пушистые облака, которые то и дело расступались, пропуская яркое утреннее солнце. Его золотистые лучи лениво скользили по светлым стенам, красиво отражаясь от глянцевых поверхностей мебели.

Сама комната была оформлена в дорогих, изящных пастельных тонах и дышала абсолютным уютом. Особую атмосферу уединения создавали мягкое кресло, удачно примостившееся возле высокого книжного стеллажа, и огромная кровать, устланная белоснежным пушистым пледом, который действительно напоминал легкое воздушное облако.

— Я понимаю, это не мое дело, — после недолгой паузы продолжила Дарси, — но очень советую тебе не романтизировать Николаса. Не строй иллюзий и не рисуй в голове его красивый образ. Он жесток, расчетлив и способен на чудовищные вещи. Я видела это собственными глазами.

Брюнетка отвела взгляд, прекрасно осознавая, что Исабель может не прислушаться к словам едва знакомого человека. И всё же Дарси мысленно дала себе клятву уберечь её. В чистых глазах Бель она видела ангельскую невинность — тот самый внутренний свет, который когда-то горел и в ней самой, пока его безжалостно не затушили. Теперь она чувствовала личную ответственность за эту хрупкую девушку.

— Я тебя услышала, — спокойно кивнула Исабель. В глубине души она не была согласна с таким суровым вердиктом, но раздувать конфликт с первого утреннего знакомства не хотелось.

— Ладно, пошли завтракать?

Бель улыбнулась и поднялась с постели. Вряд ли кто-то в этом доме мог представить, какой сокрушительный ураган бушевал за этой мягкой, приветливой улыбкой. Вся её жизнь была соткана из сплошной, непрекращающейся боли. Да, когда-то отец вытащил их семью из нищеты, но по-настоящему близкими людьми они никогда не являлись и уже, очевидно, не станут.

Девушки спустились на просторную кухню. Исабель молча наблюдала за тем, как ловко и уверенно Дарси хозяйничала у плиты, и совершенно не знала, как продолжить разговор. Они оказались в одинаковом положении, под одной крышей, но словно говорили о двух совершенно разных Николасах.

Из затянувшихся размышлений её вывели громкие мужские голоса, доносившиеся со стороны парадной лестницы. Николай как раз провожал утренних визитеров. Мужчины приторно улыбались ему — наигранно, скользко и фальшиво. Сам хозяин дома оставался подчеркнуто угрюмым. Исабель жадно ловила каждое его движение, но лицо донна по-прежнему напоминало маску — хмурое, холодное, абсолютно безразличное ко всему. Как ему удавалось так виртуозно скрывать любые эмоции? И всё же Бель упорно видела в нем

нечто большее, скрытое под слоем льда. Или ей просто отчаянно хотелось в это верить.

Проводив гостей, Райт развернулся и прошел на кухню к девушкам. Бель проводила его долгим взглядом, но мужчина даже не посмотрел в её сторону. Он молча взял с полки стакан, налил ледяной воды из графина и опустился на стул прямо напротив Исабель. Золотистые солнечные лучи лениво скользили по стенам, но строгий черно-белый интерьер кухни больше не казался Бель признаком дорогого, изысканного стиля. Теперь эти монохромные оттенки ощущались как могильный холод, в котором катастрофически не хватало живого тепла.

— Иса, ты сегодня будешь мне нужна, — неожиданно нарушил тишину Николас.

Дарси тут же бросила на него мимолетный, полный ярости и предупреждения взгляд.

— Зачем? — спокойно спросила Исабель, даже не подумав отвести глаза или смутиться. Её искренний интерес к его персоне не был для Райта секретом. Жаль только, что в эту секунду она так и не сумела разглядеть искусную ложь за его поведением.

— Ничего сложного. Сначала сопроводишь меня на деловой встрече, а затем поедешь со мной на светский вечер.

— Но я...

— Я не принимаю отказов, кроха, — в его зеленых глазах на долю секунды зажглись обманчивые, смеющиеся искорки

мнимой доброты и нежности. Николас небрежно потрепал её по каштановым волосам, поднялся и стремительно покинул кухню.

— У меня есть к тебе предложение, — вывела её из ступора Дарси, аккуратно ставя перед Исабель тарелку с пышными блинчиками, щедро политыми шоколадом и украшенными спелой клубникой. — Приятного аппетита.

— Спасибо, — Исабель улыбнулась. — И какое же предложение?

— Мы не можем выбраться за пределы особняка, но в стенах этого дома нам никто не помешает, — заговорщически прошептала Дарси, подавшись вперед. — Почему бы нам не провести время весело и не узнать друг друга получше?

— А почему бы и нет, — так же шепотом ответила Бель, чувствуя, как внутри разгорается искренний интерес к новой знакомой.

Большую часть дня девушки провели вместе. Они устроились в уютной медиакомнате, смотрели фильмы, спорили о прочитанных книгах и с удивлением обнаруживали всё новые общие интересы. Они были поразительно разными: Дарси — загадочная, словно глухая южная ночь, и Исабель — чистый, светлый ангел. Но уже в первый день между ними возникла та редкая близость, поддержка и ментальное тепло, которых обоим так отчаянно не хватало в последнее время. Утро плавно перетекло в день за звонким смехом, который сменялся тихими, доверительными разговорами на глубокие

и грустные темы.

— Знаешь, я правда хочу, чтобы ты прислушалась ко мне насчёт Николаса, — Дарси грустно улыбнулась, крутя в руках пустую чашку. — Он способен затушить твой свет, как затушил его во многих других. Но раз уж тебе так важно докопаться до истины, я помогу тебе во всём разобраться.

— Одни сплошные загадки, — задумчиво произнесла Исабель, уставившись в окно. — Интересно, сколько тайн они от нас скрывают?

— Вот именно. То, что они упорно не желают говорить с тобой откровенно, и должно настораживать больше всего. Объективных причин доверять им у тебя просто нет.

— Наверное, ты права. Но у меня никак не получается подозревать их во всех грехах, как это делаешь ты.

— Что ж, тогда хотя бы сохраняй нейтралитет, — усмехнулась брюнетка. — Но я обещаю: мы обязательно найдем ответы на все вопросы.

Дарси не успела закончить мысль. Дверь спальни распахнулась, и в комнату вошел Николас. Его тяжелый, пронизывающий взгляд медленно обвел девушек. Дарси сохранила абсолютное, царственное спокойствие, а вот Исабель испуганно встрепенулась и мгновенно убрала голову с колен подруги, поспешно выпрямившись на кровати. Райт выглядел гораздо более потрепанным и уставшим, чем утром. В его потускневших зеленых глазах таилась глухая ментальная тишина и какое-то новое, совершенно нечитаемое выражение.

— Исабель, ты хотела увидаться с Лююисом. За тобой приехал Марк, — сухо поставил он её перед фактом. Заметив, как изменилось лицо брюнетки, дон повернулся к ней: — Ты хочешь поехать с ней?

Дарси упрямо мотнула головой. Николас развернулся и покинул спальню, бросив на Бель последний, странный взгляд, в глубине которого на мгновение промелькнула тоскливая грусть.

— Зачем тебе вообще видаться с этим Муром? — требовательно спросила Дарси, едва закрылась дверь.

— Как бы ты меня ни осуждала, но именно он вызволил меня из плена, а сам при этом тяжело пострадал, — мягко, но уверенно ответила Исабель. — Я просто не могу по-человечески его не навестить. К тому же Лююис очень приятный в общении человек.

Дарси прикусила язык, из последних сил удерживаясь от того, чтобы демонстративно не закатить глаза.

— Ладно. Я буду у себя, — она крепко, защищающе, обняла девушку на прощание и вышла в коридор.

Оставшись одна, Бель быстро переоделась в удобные чёрные джинсы и объемное кофейное худи, после чего спустилась на первый этаж. Из просторной гостиной доносились приглушенные голоса: Марк и Николас вполголоса обсуждали текущие дела синдиката. Исабель нерешительно замерла у стены в дверном проеме, молча наблюдая за мужчинами. Марк первым заметил её присутствие, тепло улыбнулся

и ободряюще поманил рукой. Николас же даже не обернулся на звук её шагов.

Она несмело прошла вглубь гостиной и встала рядом с мужчинами. На приветствие Марка её губы ответили лишь слабой, едва заметной дрожью. В памяти Бель внезапно всплыла та мрачная ночь, когда они ехали вдвоем в автомобиле. Тогда Марк говорил ей правильные, честные вещи — по крайней мере те, что ему позволялось озвучить. Либо этот парень был гениальным актером, либо действительно искренне старался быть с ней откровенным. Вот только проверить это в их безумном мире не представлялось возможным.

— Подожди пару минут, сейчас поедem, — проговорил Марк, возвращаясь к разложенным на столе бумагам.

Николас на мгновение поднял на Бель абсолютно безразличный, пустой взгляд, после чего снова уставился в экран ноутбука.

— На обратном пути заедешь с ней в ателье, пусть выберет платье. Она сегодня идет со мной, — сухо добавил дон.

Марк взволнованно посмотрел на Исабель, а затем перевел на босса возмущенный взгляд:

— Николас, у тебя полно тех, кто может тебя сопровождать. Зачем втягивать её?

— А иначе не получится.

— Не бери её с собой. Это лишнее, — жестко отчеканил Марк.

— Ты прекрасно знаешь, что она уже в игре! — рявкнул Райт, резко захлопывая крышку ноутбука. Он буквально впился глазами в лицо подчиненного, а затем перевел яростный взор на замершую у стены Исабель. — Она увязла в этом дерьме давно. Бесполезно прятаться и строить из себя невинную овечку. Либо она вольется в наши реалии, либо её просто сметут с пути.

Николас медленно поднялся со своего места, подошел к девушке вплотную и навис над ней, глядя сверху вниз.

— Что ты выберешь, Исабель? Бороться или сдохнуть? Со вторым вариантом я могу помочь прямо сейчас, обещаю сделать всё быстро, чтобы не так больно было. Ну? Не молчи! — в его голосе звенел металл.

Бель испуганно отшатнулась, инстинктивно вскинув руку и боясь удара, но Райт даже не шелохнулся. В её расширенных от паники зрачках застыл первобытный ужас. Однако где-то глубоко, под плотным слоем напускной агрессии, она отчетливо разглядела в его зеленых глазах скрытое волнение и странную, извращенную заботу.

— Я... я сама не справлюсь, — едва слышно выдавила она.

— Я и не бросаю тебя в свободное плавание. Но мне нужно твое полное содействие. Без него у нас ничего не выйдет, — уже спокойнее проговорил дон. Он сгреб со стола бумаги, подхватил ноутбук и стремительно покинул гостиную.

Весь мир вокруг Исабель перевернулся, желудок скрути-

ло болезненным спазмом. Если бы в нем было хоть немного еды, её бы наверняка вырвало. Сначала по бледным щекам медленно потекли крупные слезы, затем тело пробила неудержимая дрожь. Девушка разрыдалась в голос и начала медленно оседать на пол, теряя силы.

Марк тут же бросился к ней, бережно подхватил под руки и крепко, надежно прижал к себе. Парень прекрасно понимал, что происходит. Николас виртуозно умел ломать людей — и делал это вовсе не из врожденной жестокости, а лишь для того, чтобы выжечь слабость и сделать человека сильнее. Те, кто не ломался, выживали. Слабые — навсегда отсеивались. Больше всего Марк боялся, что Исабель повторит судьбу тех, чьи тела уже давно гнили на заброшенных пустырях.

— Всё будет хорошо, — тихо шептал он, баюкая её на своих руках. — Слышишь меня? Ты справишься. Раз Николас обещает помочь, значит, так и будет. Он на твоей стороне, Бель. Просто выдохни.

Она уткнулась лицом в его плечо, постепенно затихая и лишь изредка судорожно всхлипывая.

Солнце за окном окончательно скрылось за плотной стеной облаков, и в просторной гостиной мгновенно потемнело. Игривые утренние лучи больше не скользили по светлым стенам — интерьер особняка вмиг стал мрачным, безжизненным и пугающе пустым. В комнату вновь вернулся тот самый невыносимый могильный холод. Исабель отрешенно подумала: сможет ли она когда-нибудь ощутить в этих сте-

нах искреннюю, неподдельную радость?

Когда паническая атака отступила, Марк помог ей подняться и привести себя в порядок. Не говоря больше ни слова, они покинули поместье.

Автомобиль взял курс на загородный домик парней. Там сейчас находился только раненый Льюис. В том уединенном, тихом месте можно было наконец перевести дух, ненадолго забыть о нависших угрозах и просто замедлить бешеный бег времени.

В дороге Исабель незаметно для самой себя задремала, сморенная усталостью. Марк изредка бросал короткие взгляды на спящую девушку. В какой-то момент его рука сама собой потянулась к её растрепанным каштановым волосам, но замерла в считанных сантиметрах.

«Что ты творишь, идиот?» — мысленно прикрикнул он на себя. «Она не твоя. И никогда твоей не будет».

Марк раздраженно поморщился, убрал руку и упрямо уставился на дорогу, с силой вдавив педаль газа в пол.

Они уже подъезжали к пункту назначения, когда небо разродилось мелким, занудным дождем. Крошечные капли с тихим стуком разбивались о лобовое стекло. Исабель открыла глаза, чувствуя внутри странное, опустошающее спокойствие — казалось, вместе со слезами она выплакала все остатки эмоций. Но она понимала: внутренний пожар утих лишь на время. Окунувшись в этот безжалостный криминальный мир, ей придется либо полностью потерять себя,

либо научиться играть по его суровым правилам. В её голове всё чаще мелькала мысль о том, что пора перестать бегать. Бессмысленно цепляться за прошлое, у которого больше нет будущего. Нужно просто довериться этим людям и жить дальше.

Автомобиль плавно затормозил у самого крыльца, чтобы Бель не успела вымокнуть под начавшимся ливнем. Марк достал из кармана завибрировавший телефон и, быстро ответив на скопившиеся сообщения, тяжело вздохнул. Исабель вопросительно посмотрела на водителя. Тот виновато, немного устало улыбнулся:

— Мне нужно срочно отъехать по делам. Оставляю тебя здесь, а позже вернусь. Заберем платье и сразу двинем обратно к Николасу, — он требовательно протянул руку. — Дай мне свой мобильный. Ну не смотри так, давай сюда.

Исабель послушно протянула гаджет. Парень быстро вбил несколько цифр и вернул смартфон владелице:

— Я записал свой личный номер. Если что-то пойдет не так, сразу звони. Я помогу.

— Очередной приказ Николаса? — тихо спросила она.

— И с ним помогу, если что, — Марк мягко усмехнулся. — Дон умеет перегибать палку, ты уже заметила. Так что нет, это исключительно моя личная инициатива.

— До вечера, Марк.

— До вечера.

Исабель покинула салон, ловко перескочила через

несколько глубоких луж и замерла на крыльце, провожая взглядом скрывающийся за пеленой дождя черный автомобиль. Кругом царила звенящая, умиротворяющая тишина, нарушаемая лишь мерным стуком капель по крыше. Здесь было безлюдно и удивительно спокойно. Бель поймала себя на мысли, что этот загородный коттедж ей действительно нравится — в отличие от давящего особняка Райта, в этих стенах определенно теплилась живая душа.

Она осторожно толкнула входную дверь и вошла. В доме нигде не горел свет, и все комнаты тонули в приятном, мягком полумраке. Обстановка оставалась прежней, в интерьере преобладали светлые тона; здесь Исабель чувствовала себя максимально комфортно. В этом месте её не накрывал панический страх. Бель неторопливо пошла по коридору, едва касаясь ладонью стен со стильными стеклянными вставками. Она двигалась легко и абсолютно бесшумно, словно тень.

Вскоре со стороны кухни донеслись негромкие шорохи, журчание водопроводной воды и редкий стук посуды. Девушка аккуратно заглянула за поворот и увидела Льюиса. Он как раз возился у плиты, пытаясь сварить кофе. Мужчина выглядел бледным и измотанным, но держался на ногах на удивление уверенно.

— Льюи... — едва слышно прошептала Бель.

Мур ощутимо вздрогнул от неожиданности и резко обернулся:

— Исабель? Садись скорее, я очень рад тебя видеть, — он

гостеприимно кивнул на свободный стул.

— Это взаимно, — искренне хихикнула она, мимоходом обводя взглядом комнату. Однако её взор быстро вернулся к собеседнику и невольно замер на его обнаженном рельефном торсе, который пересекала тугая медицинская повязка с проступившими бурыми пятнами свежей крови.

— Ой, прости, я сейчас... — Льюис смущенно усмехнулся, прикрыв рану ладонью, и поспешно вышел из кухни.

Исабель подошла к плите и аккуратно доварила его кофе, не дав напитку сбежать. Когда Льюи вернулся — уже облаченный в просторную оверсайз-футболку, — она как раз разливала дымящуюся жидкость по чашкам. Поставив одну перед ним, девушка опустилась на соседний стул.

— Я не знала, какой именно кофе ты предпочитаешь, поэтому просто доверилась интуиции.

— Спасибо, — он тепло улыбнулся, присаживаясь напротив. — Всё отлично.

— Льюис, я на самом деле приехала, чтобы искренне поблагодарить тебя...

— Брось, это такие пустяки.

— Нет, не пустяки! — резко и эмоционально перебила его Бель.

Мур тяжело вздохнул, мгновенно помрачнел и принялся задумчиво изучать пальцами края своей чашки.

— Возможно, ты меня сейчас не поймешь, но... — Исабель отрешенно опустила взгляд в пол. — За всю мою жизнь

обо мне никто и никогда так не заботился. Я просто к этому не привыкла. Я говорю это сейчас вовсе не для того, чтобы ты меня сидел и жалел. Мне важно, чтобы ты знал: я безумно тебе благодарна. Если бы не твоя смелость, я бы до сих пор оставалась в той жуткой камере...

— Николас бы ни за что этого не допустил, — горько, едва заметно усмехнулся Льюи, наконец поднимая на неё свои пронзительные, глубокие, как океанская бездна, голубые глаза.

— Но ведь именно из-за меня ты получил это страшное ранение! Если бы я тогда глупо не сбежала от вас, ничего бы не случилось...

— Какая теперь разница, что могло бы случиться? Прошлого не вернуть и не предугадать, так что перестань винить во всем себя. — Он аккуратно накрыл своей широкой, горячей ладонью её худенькие, вечно ледяные пальцы. — Я шел на штурм осознанно. И годы назад, когда только пришел в группировку, и сегодня утром — я прекрасно понимал все риски. Это мой личный путь. Мой собственный выбор, Иса.

— Твой выбор? — искренне изумилась девушка, заглядывая ему в лицо. — Расскажи, как можно добровольно выбрать такую опасную, жестокую жизнь?

— Любой шаг в нашей жизни — это выбор, — мужчина ответил ей прямым, честным взглядом. — А сопутствующий контекст уже не играет большой роли.

— Но почему именно мафия? Ты ведь совершенно дру-

гой, Льюи. Ты отличаешься от тех жестоких людей, которые обычно избирают этот путь.

— А кто вообще его избирает? — Льюис горько усмехнулся лишь одним уголком губ. Он ненадолго замолчал, соображая с мыслями. — Знаешь... когда-то всё это было для меня чуждым. Диким. По-настоящему страшным. Но времена меняются. Я ступил на эту дорогу очень давно, и тогда она стала моим единственным спасением. Она помогла мне заглушить невыносимую боль. Боль от потери родителей и маленькой сестры. Я остался один, Бель. Совсем один в целом мире. Я отчаянно бежал от самого себя, работал сутками напролет, до кровавых мозолей, просто чтобы ни о чем не думать. И по чистой случайности встретил Николаса. Он... он просто принял меня к себе. Поначалу я был обычным рядовым солдатом. Марионеткой без собственного мнения, которая покорно выполняла любые приказы. А потом... потом я доказал свою верность и стал капо. И сейчас у меня наконец появилась семья. Эти люди — моя единственная опора. Мой настоящий дом, — мужчина снова замолчал, переводя задумчивый взгляд на заливаемое дождем окно. — Скажешь, здесь абсолютно нечем гордиться? Пусть так. Но разве было бы лучше, если бы я окончательно сломался и сгнил в какой-нибудь подворотне тогда, много лет назад? Моя израненная душа сама избрала этот путь. По-другому я жить просто не умею.

Льюис повернулся и посмотрел Исабель прямо в глаза. С

её пушистых ресниц медленно, одна за другой, стекали хрустальные слезинки. Мужчина осторожно, едва ощутимо стёр их подушечкой большого пальца и мягко притянул девушку к себе. Она послушно положила голову ему на плечо и тихо, беззащитно всхлипла.

— Теперь этот сложный выбор придется сделать и тебе, — негромко продолжил капо. — Всем нам поначалу эти реалии кажутся чужими и пугающими. Но жизнь всегда сама расставляет всё по своим местам. Ломает нас. Меняет до неузнаваемости.

— Я прекрасно понимаю, что мне необходимо переступить через себя и войти в эту новую жизнь, — Исабель подняла голову и заглянула в его глубокие голубые глаза, которые сейчас дарили ей абсолютное чувство безопасности, гармонии и зыбкую надежду на будущее. — Люди в этом доме... они уже кажутся мне близкими. Я осознаю, что незачем судорожно хвататься за прошлое, у которого нет продолжения. Но мне до безумия страшно делать эти первые шаги в полную неизвестность. Я окончательно запуталась. И всё же внутри меня зреет понимание: возможно, как и ты когда-то, я сумею прийти здесь к чему-то по-настоящему значимому. Обрету настоящую семью. И себя, в конце концов.

Льюис молча поднялся и сделал ей свежий, горячий кофе. Исабель обхватила чашку обеими руками — обжигающий фарфор приятно грел замерзшие ладони. Холодно было её телу, но точно не душе. Она бережно прокручивала в

голове каждое его слово и с каждым мгновением отчетливо понимала: в этом безумном мире у каждого человека есть свое предопределенное место. Здесь нет абсолютного плохого и хорошего, есть лишь то, как мы сами решаем назвать эти вещи. Ей было искренне хорошо и спокойно рядом с Дарси, Люи и Марком. Как бы страшно ни было ступать на эту тропу, с каждым днем девушка всё больше убеждалась, что именно здесь она со временем отыщет саму себя, свое пристанище и своих людей.

День незаметно и лениво перетекал в вечер. За панорамными окнами стремительно темнело. Парень и девушка сидели в уютной полутьме кухни, говорили по душам и с каждой минутой становились ментально всё ближе друг к другу. Исабель мельком вспомнила дневные предостережения Дарси — та вроде бы в чем-то и была права, но подозревать Лююиса в корысти или лжи сейчас казалось невозможным. Он говорил с ней предельно открыто, и в его негромком голосе звенела чистая, кристальная искренность.

— Ну, как вы тут поживаете? — на пороге кухни внезапно раздался весёлый, бодрый голос Марка.

— О, Марк, — искренне усмехнулся блондин, немного отстраняясь от гостей. — Ты к нам по-быстрому, набегом, или посидишь немного с ранеными?

— В другой раз обязательно посижу, друг. А сейчас я приехал за Исабель. Время поджигает.

Лююис, преодолевая слабость, поднялся и лично прово-

дил их до самой прихожей. Только сейчас Бель отчетливо заметила, как тяжело ему дается ходьба: почти каждое движение отзывалось резкой болью в теле, заставляя его едва заметно морщиться. Мужчине требовалось много времени на полноценное восстановление. Исабель поймала себя на эгоистичной мысли: как бы ей отчаянно хотелось, чтобы именно Льюи был рядом с ней на этом грядущем светском вечере. Николас Райт по-прежнему оставался для неё полнейшей загадкой. То непринужденно весёлый, то смертельно холодный, то пугающе яростный. Отныне он стал в её глазах еще более непредсказуемым и опасным. Словно старинная закрытая книга, которую безумно манит прочесть, но в этой загадочности отчетливо проступал могильный мрак и запретная грань. Грань, которую Исабель пока ни за что не решилась бы испытать на себе.

Попрощавшись с Льюисом, Марк и Исабель покинули загородный коттедж. Им еще предстояло подобрать образ для вечера — занятие, которым Бель в своей прежней жизни не занималась никогда. Мысли хаотично путались в голове: откуда-то из глубины души внезапно рождалось иррациональное желание стать ближе к зеленоглазому дону, но разум в ту же секунду истошно кричал держаться от него как можно дальше. Дарси была абсолютно права — в Николасе жил жестокий, безжалостный зверь, и насколько изощренным он мог быть в своей ярости, оставалось только гадать. И это по-настоящему пугало.

Время неумолимо близилось к назначенному часу, и внутреннее волнение росло с каждой минутой. Ливень наконец прекратился, оставив после себя приятную ночную прохладу. Выйдя из элитного ателье с чехлом, в котором покоилось черное, лаконичное, но невероятно изящное платье, Исабель глубоко вдохнула свежий воздух и оглядела Бостон. Город уже полностью погрузился в неоновую ночную жизнь. Где-то там, в неблагополучных, забытых богом кварталах, прямо сейчас завязывались кровавые потасовки — мелкие уличные банды пытались устанавливать свои правила, ослепленные жаждой легкой наживы и мимолетной власти. А здесь, в самом центре, вовсю расцветала роскошная светская жизнь: закрытые рестораны и элитные клубы, где любые пороки оставались строжайшей тайной, бережно охраняемой персоналом ради покоя влиятельных лиц. Ночь Бостона таила в себе слишком многое.

Именно в этом фальшивом шике и находили свое место криминальные банды — нечто среднее между самыми низкими, грязными поступками и высочайшим положением в обществе. Опасные люди хладнокровно играли в азартные игры, где ставками выступали подконтрольные территории и чужие человеческие жизни. Они искренне ощущали себя неприкасаемыми богами. Мафиози вели полномасштабные войны прямо на улицах мегаполиса и неизменно оставались безнаказанными, ведь в этих кругах огромные деньги решали абсолютно всё. Многие из них являлись элитой го-

рода фактически, но при этом оставались глубоко падшими, сгнившими душами.

Исабель заворуженно оглядывала чужой, незнакомый Бостон. Она переехала сюда из крошечного провинциального городка, где знала лишь звенящую тишину и дикую природу. Разве могла она представить еще пару лет назад, что её судьба совершит столь крутой и опасный поворот?

— Ну что, Бель? Ты как? — к ней подошел Марк, немного задержавшийся на кассе салона.

— Даже не знаю, — она слабо усмехнулась, подняв глаза к усеянному редкими звездами небу. — Но, кажется, я готова. Почему бы не попытаться изменить свою жизнь, раз она сама подбрасывает мне этот шанс? Пусть даже этот шанс пахнет кровью. Мне просто нужно собрать все силы в кулак.

— Могу ли я расценивать твои слова как согласие стать полноценной частью нашей семьи? — парень внимательно всмотрелся в её лицо.

— Время покажет, — Исабель неопределенно пожала плечами и уверенно двинулась к припаркованному автомобилю.

Девушка заворуженно крутилась перед огромным зеркалом в своей комнате, разглядывая черное облегающее платье. Ткань безупречно подчеркивала изящные изгибы её тела, и этот силуэт искренне радовал глаз. Бель уже и не помнила, когда в последний раз могла вот так просто, по-жен-

ски, радоваться своему отражению и искренне восхищаться собой. Сейчас на душе было на удивление легко. Впервые за долгие, мучительные годы она ощущала подобие хрупкого счастья.

— Воу, — негромко донеслось со стороны дверного проема.

Исабель резко обернулась. На пороге спальни стоял Николай. Запустив ладонь в свои каштановые волосы, он нечитаемым, оценивающим взглядом медленно скользил по её фигуре. Сам дон уже был полностью готов к выходу: на нем сидел идеальный строгий брючный костюм. Тонкая ткань белоснежной классической рубашки выгодно подчеркивала его крепкую мускулатуру, а идеально скроенные брюки придавали силуэту особую стать и изящество. Стоило признать — этот дорогой стиль невероятно ему шел.

— У меня просто нет слов, кроха, — негромко произнес он, лениво облокотившись на дверной косяк и продолжая жадно наблюдать за каждым её движением.

— Спасибо, — Исабель смущенно отвернулась к зеркалу, пытаясь скрыть вспыхнувший на щеках румянец. — Подскажи, а ты можешь рассказать о... — она так и не успела договорить, потому что её шею внезапно коснулось чужое горячее дыхание.

Николай уже стоял прямо за её спиной — настолько близко, что Бель физически ощущала кожей сильное тепло его тела. Его ладони уверенно скользнули вверх по её бедрам,

задерживаясь на тонкой талии. Девушка резко развернулась в его руках. В её глазах застыл немой вопрос и легкий, подсознательный страх, но где-то в глубине души уже разгоралось новое, неизведанное ранее желание. Каждое его прикосновение пробуждало внутри дремавшие чувства, заставляя сердце биться в бешеном ритме. Исабель окончательно перестала понимать саму себя.

Взгляд его изумрудных глаз буквально лишал разума, парализуя волю. Широкая ладонь Райта легла ей на затылок, и дон властно притянул Бель к себе. Его пухлые губы накрыли её в требовательном поцелуе. Язык Николаса уверенно скользнул по её губам, делая поцелуй всё более глубоким, тягучим и сокрушительным. Исабель даже не думала сопротивляться. Поддавшись порыву, она обвила руками его шею, и мужчина прижал её к себе вплотную, стирая любые границы между ними. Плотный, обжигающий жар стремительно разливался по венам. Николас целовал её одновременно нежно и грубо, с какой-то первобытной, чисто собственнической манерой.

Она полностью потеряла счет времени, растворившись в этих секундах. Когда Райт наконец отстранился, оба тяжело и прерывисто дышали. Его ладони по-прежнему тяжело покоились на её талии и бедрах. Бель отчетливо чувствовала, каких колоссальных усилий ему стоит сдерживать себя. На самом деле она хотела того же, но оба они подсознательно понимали, что еще не готовы окончательно переступить эту

опасную черту.

— Нам пора, — хрипло прошептал Николас.

Девушка молча кивнула, нервным жестом поправляя выбившиеся каштановые локоны.

— Ты, кажется, хотела что-то спросить перед этим? — напомнил он, убирая руки.

— По поводу этого вечера... — Бель с трудом вернула голосу уверенность. — Чего именно мне стоит ждать от этой встречи?

— Тебе абсолютно не о чем беспокоиться.

— Но Николас...

— Ты находишься под моей личной защитой, — жестко перебил её дон. — Чтобы ни случилось там, внутри, я никогда не дам тебя в обиду. Но я не могу гарантировать, что всё пройдет тихо и спокойно.

Он развернулся и стремительно покинул спальню. Исабель поспешно поправила прическу перед зеркалом и поторопилась следом за ним.

В машине всю дорогу царило абсолютное, давящее молчание. Оно казалось неловким, а между сиденьями словно пролегла невидимая глубокая пропасть. В голове Бель намертво засела одна-единственная мысль: что именно значил этот внезапный поцелуй? Почему она поддалась его напору так легко и бездумно? Еще утром она была свято уверена, что сумеет сохранить холодный нейтралитет, но теперь с ужасом осознавала, что больше не владеет собственной судьбой.

Погруженная в свои тяжелые думы, она даже не заметила, как автомобиль въехал в оживленный портовый район — одно из самых живописных и дорогих мест в Бостоне. Дорога вела напрямик к знаменитому ресторану высокой кухни Ocean Prime, который давно стал излюбленным местом отдыха для местной криминальной элиты и влиятельных людей. Машина на высокой скорости неслась по набережной. Исабель очарованно скользила взглядом по темной, безмолвной водной глади залива Массачусетс, в которой красивыми неоновыми дорожками отражались яркие огни вечернего мегаполиса. Николас, заметив её восторг, едва заметно улыбнулся, но тут же какая-то мысль омрачила его лицо. Он прекрасно понимал: совсем скоро ему придется показать этой наивной девчонке жестокую изнанку этой красивой неоновой сказки.

Они припарковались у роскошного здания и уверенно вошли в холл ресторана. Внутри их встретил приятный легкий полумрак, мягко рассеянный приглушенным желтоватым светом изящных светильников. Интерьер заведения был выполнен в теплых, благородных оттенках. Этот стиль кричал о баснословных деньгах и роскоши, но, в отличие от особняка Райта, здешняя атмосфера не казалась Исабель такой могильно-холодной.

Крепко держа Николаса под руку, Бель уверенно перешагнула порог огромного банкетного зала и непроизвольно сделала глубокий, судорожный выдох, пытаясь унять дрожь.

Дон тут же опустил на неё вопросительный, внимательный взгляд.

— Всё хорошо? — негромко спросил Николас, заметив её минутную заминку.

— Просто немного нервничаю, — честно призналась она, крепче сжимая его локоть.

— Они опасны, — Райт едва заметно кивнул в сторону нескольких мужчин, стоявших в глубине зала. — Но я правильно понимаю, что ты по-прежнему хочешь узнать обо всем гораздо больше?

Он наклонился и прошептал эти слова прямо ей в ухо. Всё внутри Исабель в очередной раз замерло. Она снова металась между сковывающим страхом и безумными, порхающими в животе бабочками, которые лишали воли.

— Это так, — ответила она, заставив себя не двигаться.

Но дон уже отстранился. Даже не взглянув на нее на прощание, он уверенным шагом направился к какому-то солидному мужчине в дорогом костюме.

Исабель осталась стоять в полном одиночестве посреди шумного банкетного зала, едва сдерживая подступившую горькую обиду. Окружающие то и дело окидывали её оценивающими, высокомерными и откровенно пренебрежительными взглядами. Пытаясь скрыться от этого безмолвного давления, она отыскала уединенное место на небольшом диванчике в стороне от основной шумихи. Нарядные мужчины и женщины увлеченно беседовали, разделившись на неболь-

шие группки и время от времени меняясь собеседниками. Для этой публики подобные вечера являлись привычной, серой обыденностью. А Бель просто не знала, куда себя деть. Впрочем, одиночество никогда не было для неё большой проблемой — к нему она привыкла с самого детства. Переведя дух, девушка с искренним интересом принялась наблюдать за толпой, мысленно подмечая колоритные детали для своей писательской копилки.

— Мисс... не желаете бокал шампанского? — вежливо улыбнулся подошедший официант с нагруженным подносом.

— Благодарю, я не буду, — покачала головой Бель.

Официант не успел отойти. К нему легкой, изящной походкой приблизилась очень красивая незнакомка.

— Спасибо, — девушка с безупречной осанкой кивнула парню, перехватив один из фужеров, и тот мгновенно растворился в толпе.

Исабель заворуженно скользнула взглядом по новой гостье. На той было надето белоснежное элегантное платье, выгодно подчеркивающее смуглую кожу, а образ дополняли золотые украшения.

— Не думала, что настолько красивая девушка проведет этот вечер в полном одиночестве, — в её бархатистой речи мелькнула легкая усмешка. — Динара, — представилась незнакомка и грациозно присела на свободный край дивана.

— Исабель.

— Очень приятно, Исабель. И всё же почему ты считаешь? Оставаться здесь в стороне от главных событий — большая ошибка.

— Я абсолютно ничего не имею против одиночества. Оно меня не пугает.

— О, — Динара понимающе качнула головой, переводя задумчивый взгляд на бурлящую толпу. — В этом зале сейчас находится столько влиятельных и богатых мужчин. Меня, честно говоря, до глубины души удивило, что у Райта сегодня появилась спутница. Только не говори мне, что ты понятия не имеешь, о ком я сейчас веду речь.

— А разве я должна это знать? — Бель постаралась, чтобы её голос прозвучал максимально равнодушно.

— Райт — дон крупнейшей и самой влиятельной мафии в этих краях, — заговорщически понизив голос, принялась объяснять Динара. — Он безумно богат, но его холодный и запредельно жестокий нрав — это его главный минус. Николас всегда и везде появляется в гордом одиночестве. Он посещает подобные мероприятия исключительно ради того, чтобы встретиться с уважаемыми людьми из криминального мира или верхушкой правительства, которые давно у него подкуплены. Этого человека нормальным людям лучше всегда обходить стороной.

— Тогда к чему такое очевидное огорчение в твоём голосе?

— Многие женщины из высшего общества годами пыта-

лись влюбить его в себя, — Динара горько усмехнулась, сделав глоток из бокала. — Но человека холоднее и равнодушнее представить сложно. Николас Райт — это недостижимая мечта. В его глазах все мы — лишь слабая, никчемная погань и меркантильные суки. Он уважает девушек, это правда, но в этом городе еще не нашлось той, что сумела бы растопить его вековой лед.

— Раз он такой плохой, зачем ты сама хочешь быть с ним рядом? — тихо спросила Исабель.

— Николас красив как бог, — Динара пожала плечами, горько улыбнувшись. — Он невероятно силен, влиятелен...

— Значит, Николас абсолютно прав? — перебила её Бель. — Девушки действительно корыстны. В вашей тяге к нему кроется лишь холодный расчет, а не чувства.

— Дорогая моя, я просто подстраиваюсь под тот мир, в котором вынуждена жить, — Динара повернулась к ней, и в её голосе зазвучали жесткие, взрослые нотки. — В наших кругах нет места сказкам о любви и высоким чувствам. Всем абсолютно плевать на твою чистую душу. Реальный вес здесь имеют только власть, влияние и баснословные деньги. Всё вокруг — сплошная ложь. Под покровом дорогих масок прячется каждый первый из тех, кто стоит сейчас в этом зале.

— Но ведь...

— Этот мир чертовски жесток, Исабель. Один неверный шаг, одна глупая ошибка — и ты мертва. Причем медленной, мучительной смертью.

Динара вдруг резко осеклась на полуслове и заметно напряглась. Почувствовав перемену в настроении собеседницы, Бель проследила за её взглядом и похолодела. Прямо на них смотрели те самые ярко-зеленые, хищные глаза. В их глубине плясало ледяное пламя. Николас Райт неторопливо, уверенно направлялся прямиком к их диванчику. Динара замерла, кажется, боясь даже дышать.

— Исабель, — негромко произнес дон, остановившись перед ними.

— Да? Что такое? — Бель вскинула на него голову.

— Свали отсюда, — даже не взглянув на Динару, ледяным тоном бросил ей Райт и по-хозяйски опустился на освободившееся место рядом с Бель.

Она спешно вскочила на ноги и мгновенно скрылась в толпе, на ходу утирая набежавшую слезу.

— Можно было обойтись и повежливее... — укоризненно выдохнула Исабель.

— Нельзя, — Николас резко повернулся и посмотрел прямо в её голубо-зеленые глаза. — Особенно после того, сколько бреда она успела тебе наговорить.

— А вдруг она искренне восхищалась тобой? Ты ведь не можешь знать этого наверняка.

Его широкая ладонь внезапно легла на её подбородок, властно развернув лицо девушки к себе.

— Я прекрасно знаю, что обо мне думают окружающие, — отчеканил он. — Чистый расчет. Все эти люди четко знают,

чего хотят, и ни один моральный принцип их не остановит.

— Но ведь ты сам точно такой же! — вспыхнула Бель и упрямым жестом скинула его руку.

— Я не желаю это слушать, — в зеленых глазах Николаса опасно потемнело. — А ты раз и навсегда уясни одну простую вещь: я не хочу, чтобы ты выстраивала свое впечатление обо мне по чужим дешевым слухам. Вот он я, перед тобой. Человека в этой жизни нужно судить исключительно по его действиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.